

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**ОДНИ
СУТКИ
ВОЙНЫ**

**ВИТАЛИЙ
МЕЛЕНТЬЕВ**

В сводках не сообщалось...

Виталий Мелентьев

Одни сутки войны (сборник)

«ВЕЧЕ»

1975-1979

Мелентьев В. Г.

Одни сутки войны (сборник) / В. Г. Мелентьев — «ВЕЧЕ»,
1975-1979 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7954-0

Все три повести, включенные в книгу известного русского советского писателя Виталия Григорьевича Мелентьева, посвящены событиям Великой Отечественной войны и рассказывают о героизме фронтовых разведчиков. Выполнение ими каждого боевого задания было равноценно подвигу, хотя они сами считали это обыденным делом.

ISBN 978-5-4484-7954-0

© Мелентьев В. Г., 1975-1979

© ВЕЧЕ, 1975-1979

Содержание

Одни сутки войны	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виталий Григорьевич Мелентьев

Одни сутки войны

© Мелентьев В.Г., наследники, 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Одни сутки войны

1

Ночью на прокаленную дневной жарой землю пролился робкий дождь, и к рассвету в низинах поднялся туман-испарина. Противник усилил прочесывающий огонь.

Командир разведывательной группы лейтенант Зюзин вышел из землянки, потянул носом пахучий воздух, потрогал ладонью высыхающую землю. Потом послонявил палец и, подняв его над головой, покрутил кистью руки, чтобы определить, откуда ветер. Не оборачиваясь, сказал:

– Пора! – и добавил: – Выходи строиться!

Разведывательная группа – девять бойцов отдельной разведроты, отобранные лейтенантом для выполнения особого задания, вышли из землянки, закидывая за спину тощие вещевые мешки, поправляя оружие и снаряжение. Последним из землянки появился высокий, поджарый майор Лебедев – из разведотдела армии. Он вплотную подошел к Зюзину и мягко, почти заискивающе спросил:

– Не рано? Ведь крайний срок завтра...

– Завтра тумана не будет: земля горячая и ветер на восток повернул. Опять соврали метеорологи.

– Ну-у... не совсем... Дождь все-таки был...

Зюзин ругнулся и накинул капюшон маскировочной куртки на каску.

– И вообще... Не нравится мне здесь! – Он широко повел рукой вокруг. – Поэтому лучше начинать не в срок.

Майор Лебедев промолчал.

Группа Зюзина – четвертая за последние две недели, которую отправляют в тыл противника. Три пропали без вести. Наблюдатели, «слухачи» на переднем крае и провожатые слышали шум боя на маршрутах двух групп. Причем радист третьей группы успел передать: «Попали в засаду. Пробуем пробиться».

Командующий армией ругал разведчиков, из разведуправления фронта добавляли. Армейские разведчики притихли, не зная, что делать. Такого еще не бывало: группы благополучно переходили линию фронта, а потом попадали в засаду. Командующий армией приказал специально выделенными подразделениями прочесать леса и овраги. Ничего подозрительного не обнаружили в ближнем тылу наших войск. Связисты получили указание строжайше соблюдать дисциплину переговоров.

Между тем дальние разведывательные группы и частично партизаны подтвердили, что через узловые станции проследовали эшелоны с войсками противника, скорее всего, с танковыми, а на ближних аэродромах сели новые эскадрильи самолетов.

Пришло лето. Обе стороны готовились к активным действиям.

Чтобы не привлекать излишнего внимания, командующий армией не вызвал к себе лейтенанта Зюзина, а ночью сам приехал в район обменного пункта, лично проверил подготовку разведгруппы и на прощание, сдерживая свой крутой нрав, сказал довольно миролюбиво:

– Передашь сведения – орден. Вернешься в срок – станешь старшим лейтенантом. Приведешь хорошего «языка» – представлю к Герою. Но если...

Зюзин не дослушал командующего, непочтительно перебил:

– Никаких «если» не произойдет.

Командующий промолчал, но глаза его сузились, а ноздри большого, мясистого носа раздулись: он не терпел, когда его перебивали, хотя ценил острое слово. Командующий пожелал удачи и уехал.

Разведчики построились. Зюзин, так и не подав команды «Смирно», приказал:

– Подойти ближе. – Когда разведчики сгрудились вокруг него, почти шепотом сказал: – Слушайте задачу, товарищи. Есть сведения о концентрации танковой не то дивизии, не то корпуса противника. Необходимо уточнить и, если удастся, притащить «языка». Говорю честно: можем нарваться на засаду. Поэтому драться до последнего. Кто останется в живых, продолжает выполнять задачу любыми доступными средствами. Все остальное отработали на занятиях. Не забыли?

– Так точно...

– Что «так точно»? – сердито переспросил Зюзин. – Выходит, забыли?

– Никак нет. Помним.

– Все. Тронулись.

В зеленом небе висели осветительные ракеты. Пулеметы противника плели сложную паутину трасс. Где-то в стороне мирно тархтел самолет.

Разведчики гуськом прошли по опушке березового леса, постояли перед низиной и один за другим начали входить в туман, как в воду. Сначала скрылись по колено, потом до пояса, потом над туманом покачивались только каски, но вот и они утонули, растаяли.

Майор Лебедев остался на опушке. Он видел, как скрылись разведчики, и подумал, что с этой минуты уже не способен влиять на выполнение задания. До этого он проводил тренировки, с каждым из отобранных в группу изучал местность, старался обеспечить разведчиков всем необходимым. Словом, делал все, что мог. Теперь он стоял и тоскливо смотрел на белесую, чуть колышущуюся массу тумана-испарины, прикидывал, все ли сделал, как требовалось, и немножечко злился.

Он-то сделал все, а вот Зюзин... Ему почему-то не нравился этот строптивый, но удачливый лейтенант. Перед каждым поиском Зюзин обязательно выказывал свой характер. То не хотел идти группой, а шел с бывшим боксером Сутоцким и с щуплым длинноруким снайпером Грудининым, которого по каким-то одному ему известным признакам посчитал разведчиком и перетащил в свой взвод. Втроем они дважды приводили «языков». Из поисков группы Зюзина возвращались всегда без потерь. Как это ему удавалось, лейтенант не рассказывал. А ходившие с ним разведчики объясняли по-разному. Одни осуждали Зюзина: прет на рожон, наудачу. Другие хвалили: отчаянный, но расчетливый. Знает, когда и где рисковать.

Сам Зюзин после поисков и походов в тыл сдавал подробные рапорты и отчеты-схемы, брился и два-три дня отсыпался. Затем мылся холодной водой или обтирался снегом и становился самим собой: хмурым, постоянно чем-то недовольным, неразговорчивым. Небольшие злые глаза, маленький курносый нос на широкоскулом лице, светлые брови – типичный сибиряк.

Вспомнил Лебедев и скандал, который устроил Зюзин, потребовав перевести к нему во взвод только что пришедшего с пополнением рядового Андрея Матюхина. Зюзину тактично объяснили: человека, который пробыл в плену около года, брать в разведку, по крайней мере, не резон. Зюзин стоял на своем.

– Мне нужен именно такой: дважды убежал из плена и уходил от немцев, значит, знает их повадки не по чужим рассказам. Знает форму, язык, оружие, технику... Его не кто-то освободил, сам пробился через передний край! Если человек сам прошел два передних края – немецкий и свой, – значит, разведчик.

Зюзина предупредили: за Матюхина будешь отвечать лично.

– А я и так за каждого отвечаю.

Но в поиски Матюхина долго не брал: заставил овладеть рацией, приемами рукопашного боя... Больше того, недели за две до похода переселил Матюхина из общей землянки в свою, офицерскую.

Такая дружба вызвала недоумение. Что их связывало, никто не знал. Зюзин – сибиряк, забайкалец, Матюхин – донской казак. Зюзин – резкий, Матюхин – скорее добрый, во всяком случае, уважительный. Зюзин выпивал, Матюхин даже законные, «наркомовские», отдавал в общий котел: «Я в плен попал пьяным. Теперь все. До конца войны в рот не возьму». Но как попал в плен – не рассказывал.

И тем не менее Зюзин и Матюхин дружили. Сдержанно, неброско, на людях просто незаметно, но дружили.

И вот когда Зюзину, удачливому Зюзину, выпало такое ответственное задание, он оставил уже проверенного Грудинина и взял с собой Матюхина. При этом потребовал для своей группы не одну, а две рации. Связисты, естественно, возражали: три рации уже погибли, но Зюзин добился своего...

Майор Лебедев стоял на опушке и все вспоминал, прикидывал, оценивал... Постепенно он стал различать не только военные шумы. Оказывается, пели птицы. Он вслушался. Опушка березового колка и принизинный кустарник звенели трелями и посвистом. В небе едва заметно мерцали приглушенные июньским рассветом звезды.

На стороне противника метнулся прожектор, потом полоснули яркие лучи фар и послышался далекий шум моторов. Постепенно он стих, точнее, его заглушил усилившийся прочесывающий огонь. Из тумана густо вылетали светлячки трассирующих пуль и гасли в брустверах наших окопов.

Советская сторона молчала. Лебедев поморщился: следовало бы отвечать, иначе немцы могут подумать, что молчим неспроста. Это насторожит их. Но, прикинув все, майор решил, что, пожалуй, можно и не нарушать огневого режима, принятого в последнее время.

Лебедев подошел к пеньку, сел и стал смотреть на немецкую сторону.

2

Зюзин, как всегда, шел первым. Шел легко, неслышно, чутьем угадывая в тумане кочки и сушинки в заболоченной пойме крохотной речушки, вдоль которой располагалась оборона воюющих сторон. Немецкий берег был чуть выше, наш – чуть ниже.

Когда выбирали место перехода линии фронта, Зюзин забраковал этот участок: через него проходила первая из погибших групп. Он вообще настаивал, чтобы его группу высадили или выбросили с самолета в тылу противника. Но полковник Петров – начальник разведотдела армии – запротестовал:

– Ночи светлые. Самолет могут засечь. Если выбросить вас далеко, будете добираться неделю или больше. А сведения нужны как можно скорее.

– Зато надежнее, вернее.

– Рассудим так: противник знает, что мы уже проходили здесь. Значит, он вправе решить, что вторично мы не пошлем людей тем же маршрутом.

– Верно. Но только в том случае, если тут сидят наши старые знакомые. Они привыкли к нам, мы – к ним. А если новые? Свежие? Они наверняка подстрахуются и перекроют маршрут.

– Тоже верно. Значит, нужно идти не точно этим маршрутом, а попетлять.

– Это само собой. Только леса здесь старые, смешанные, много дуба. Так что полно прогалин – трудно маскироваться. И поля. Как правило, незапаханные.

– Зато заросшие сорняками. Маскировка!..

Они спорили долго, обговаривали различные варианты маршрутов. Потом Зюзин с майором Лебедевым проверяли эти варианты по карте. И все-таки выбрали именно этот, знако-

мый маршрут: сплошных траншей перед заболоченной и лишь теперь подсыхающей поймой немцы не создали, надеялись, что болото надежно прикроет их боевые порядки. Однако в жару припойменное болото усохло, а немцы по-прежнему обходились поддерживающими огневую связь опорными пунктами и ночными патрулями – либо хитрили, не привлекая внимания противника к этому месту, либо знали, что у русских тут резервов нет и нанести внезапный удар они не смогут. Так или иначе, а проскользнуть на данном участке разведчикам было, конечно, легче, чем в любом ином месте.

К жидким проволочным заграждениям группа вышла точно в срок, даже минут на десять раньше: затвердевшая пойма не задержала разведчиков и мелководную речушку форсировали без особого труда.

Вперед выползли два разведчика, перекусили ножницами нижние нити проволочных заграждений, полежали, послушали и осторожно поползли дальше, ощупывая вошедшую в рост траву – искали мины. Не нашли. Тогда за ними поползли остальные.

Справа, как и предполагалось, едва заметно светилась амбразура дзота – там постоянно дежурили пулеметчики. Слева, за траншеей, горбился наблюдательный пункт. Ночью, как показало длительное наблюдение, в нем отсиживались патрули.

Разведчики молча перемахнули траншеи и по луговине устремились в глубь обороны противника – к дубраве. Сзади раздался приглушенный говор: патрули вышли из ИП и двинулись по траншее к дзоту. Разведчики притаились, дожидаясь, пока патрули скроются в дзоте, – на несколько секунд через открытую дверь пробился слабый свет.

На опушке дубравы пахло просыпающимися грибницами, цветами и чуть-чуть земляничкой. Ветер усиливался, жесткие дубовые листья начали жестяно шелестеть. Разведчики перепрыгнули противопожарную канаву и впервые поднялись в рост. Прислушались, осмотрелись и неторопким шагом, пружиня в коленях, держа руки на предохранителях автоматов, углубились в дубраву.

Зюзин отстал и, когда с ним поравнялся Матюхин, шепнул:

– Ты, радист и Сутоцкий идите правее... метрах в ста. В бой не вступать. – Подумал и добавил: – За радистом смотрите – вроде дрожит.

Матюхин шепотом передал Сутоцкому приказ и поймал радиста за подол маскировочной куртки.

Радист вздрогнул, быстро оглянулся. Матюхин жестом приказал ему свернуть вправо, но радист неожиданно рванулся и, злобно скаля зубы, упрямо потянулся за основной группой. Сутоцкий молча показал ему огромный кулак. Радист сник, но подчинился.

Теперь разведчики шли двумя группами, наискось пересекая дубраву, чтобы выйти к заросшим бурьяном полям, проскочить, точнее, поползти их и войти в смешанный лес.

Матюхин пропустил вперед радиста, потом Сутоцкого и пошел замыкающим.

Дубы стояли могучие, разлапистые, шелестели солидно, и тени от них лежали густые, надежные. Но тени эти не перекрывали друг друга. Между ними едва заметно просачивались потоки зеленоватого света: близился ранний июньский рассвет. Сутоцкий и Матюхин жались поближе к огромным стволам, а радист шел по прямой.

Шел не оглядываясь и, видно, только слушал. Когда шорох шагов товарищей затихал, он приостанавливался. Тогда разведчики нагоняли его и слышали прерывистое, шумное дыхание товарища.

Сутоцкий покачал головой: психует парень. Впрочем, такое бывает. Особенно на первых порах. Не срабатывает какой-то мозговой центр, отказывают нервы – и все кажется непоправимо безнадежным, страшным и неизбежным. Потом, когда первый шок пройдет, все станет на свои места.

Но пока шок не прошел, за радистом следовало присматривать. И оба разведчика безмолвно поделили обязанности: Сутоцкий приглядывал за радистом, а Матюхин следил за основной группой и за окружающим.

Ветер крепчал, и дубрава пошумлиwała все сильнее. Можно было ускорить шаг: шум дубравы глушил шелест травы под ногами. Поэтому, должно быть, к противоположной опушке группа вышла быстрее, чем предполагалось. Появилась надежда, что заросшее поле удастся переползти в предрассветных сумерках.

Однако здесь, на противоположной опушке дубравы, деревья росли особенно редко и казались наиболее величественными и разлапистыми. Светлые полосы между их тенями были шире, и Матюхин пошел медленнее, прикидывая, двигаться в рост или перейти на привычный для разведчика способ передвижения – ползком.

Решить задачу он не успел.

Слева, прямо перед ним и чуть справа полукружьем вспыхнули яркие автомобильные фары. Инстинктивно Сутоцкий и Матюхин упали, а радист испуганно присел, потом, не разгибаясь, круто повернулся и, петляя, побежал назад. В следующую секунду откуда-то со стороны фар ударили автоматы. Разрывные пули впивались в дубы. Запахло взрывчаткой, свежим корьем и почему-то кожей. Радист взмахнул руками и упал.

Сутоцкий выпростал из-под себя прижатый грузным телом автомат и вознамерился было ударить по фарам, но Матюхин прошипел:

– Не смей! Ползком к дубу.

Сутоцкий не понял и обернулся, всматриваясь в сразу ставшее хищным решительное лицо Андрея. Матюхин был настолько уверен, что Сутоцкий послушается, что сразу повернулся и пополз к дубу. Здесь, за его стволом, в полосе густой тени, он поднялся и, ловко работая руками и ногами, полез вверх, зацепился за сук, потом, перевалившись на толстую ветвь, подал руку товарищу.

Еще ничего не понимая, Сутоцкий ухватился за эту маленькую для него руку и, придерживаясь другой рукой за ствол, тоже вскарабкался наверх. Когда он схватился за сук, Матюхин перебрался выше и залег, распластавшись на огромной ветке. Жестом он приказал Сутоцкому подняться повыше.

Слева, там, где была основная группа, строчили автоматы. Одна за другой гасли разбитые пулями фары, и Сутоцкий, устраиваясь поудобнее, тоже приладил автомат, но Матюхин опять шепнул:

– Не стрелять, Коля. Ни в коем случае!

Сутоцкий посмотрел на него с недоумением, но послушался.

В свете фар показались немецкие цепи. Смотреть на них было жутко. Впереди двигались огромные угловатые тени. Чем дальше отходили солдаты от фар, тем длиннее становились тени и тем ярче, голубее казались всполохи автоматных очередей.

Там, где была основная группа разведчиков, автоматы смолкли, стали рваться гранаты.

Вероятно, потому, что Матюхин и Сутоцкий смотрели туда, где сражались и гибли их товарищи, они не заметили, как, постреливая на ходу, к дубу приблизилась немецкая цепь. Сухой, властный автоматный стук заставил их вздрогнуть и взглянуть вниз.

Немцы тоже почему-то смотрели только вперед и вниз. Шагов через двадцать – двадцать пять кто-то из них наткнулся на мертвого радиста. Из цепи сразу вынырнули несколько человек, подбежал офицер или унтер-офицер, и все склонились над убитым. Вот смутно мелькнула безвольная рука радиста – видно, кто-то щупал пульс. Потом два солдата понесли навстречу свету фар рацию и автомат. Они прошли как раз под дубом, и Матюхин видел, как они щурились и прикрывали ладонями, как козырьками, глаза.

Там, где отстреливались разведчики, затих последний советский автомат, и немецкая цепь стала смыкаться. На прогалине еще бродили несколько групп немцев, остальные опять

мерно, не спеша пошли по следам разведчиков, ритмично, через каждые три-четыре шага, нажимая на спусковые крючки автоматов. Потом эта же цепь прошла обратно, и только тогда двое солдат прихватили убитого радиста и за ноги поволокли его по мягкому, еще не зацветшему разнотравью...

Сверху Матюхин видел, что маскировочная куртка на радисте задралась и в просвете между ней и шароварами безвольно и рыхло вздрагивал странно белый в свете фар живот. От этого стало страшно, и Матюхин зажмурился.

3

Когда сходятся июньские вечерняя и утренняя зори, птицы перестают петь. Это настало майора Лебедева. Он прислушался. Совсем неподалеку тихо и печально кричала сплюшка, нагоняя грусть.

Противник все так же неистовствовал, все усиливая прочесывающий огонь. Ударил даже тот, обычно молчавший дзот, который был на пути разведгруппы. Но именно это и успокоило Лебедева. По расчету времени разведчики давно должны были пройти передний край, и, если дзот открыл не прицельный, а прочесывающий огонь, значит, все в порядке: группа благополучно миновала передний край противника.

Налетел первый, ощутимый порыв предсказанного Зюзиным восточного ветра. Майор Лебедев поднялся и совсем уже было собрался идти в землянку, чтобы немного отдохнуть перед первым сеансом назначенной связи (впрочем, радиостанции все время работали на прием, и, если бы что-нибудь произошло, радисты немедленно доложили бы), сделал несколько шагов, когда новый порыв восточного ветра поколебал завесу тумана и она стала быстро подниматься. Туман рвался, цеплялся за кустарник, кочкарник и пропадал не сразу, а кусками. И когда он почти исчез, за выступившей темной громадой дубравы вспыхнули фары и почти тотчас же ударили пулеметы или автоматы. Что именно – майор не понял. Но он хорошо слышал, что заработало чужое оружие, видел, как излетные трассирующие пули иногда достигали опушки дубравы и бессильно, как светлячки, гасли, не достигнув переднего края.

Майор Лебедев сразу понял, что произошло, и представил, что произойдет позднее. Провал четвертой группы, удивительная осведомленность противника неопровержимы. О формировании группы Зюзина, ее подготовке, маршруте, задании знали только командующий, начальник разведотдела полковник Петров и он, майор Лебедев. Теперь можно оправдываться, говорить что угодно, но... Во всем объеме и во всех деталях об операции знал только он, Лебедев. Больше того, именно он дал согласие на выход группы в тыл противника на целые сутки раньше намеченного срока. Дал согласие – и очередная группа попала в засаду. Совпадением этого не объяснишь. А раз так, то лучше всего вынуть пистолет и...

Впрочем, это не дело... Это признание своей вины, основание для последующего презрения, это – предательство семьи и тех, кто рекомендовал в партию, в разведку. Нет, их подводить нельзя... Самое правильное сейчас встать и идти по маршруту группы. Ошметки тумана еще кое-где висят. За ними можно будет спрятаться от своих, потом, приблизившись к переднему краю противника, подняться в рост да еще пострелять по дзоту или наблюдательному пункту. Уже рассветает. Немецкие пулеметчики не промахнутся...

Он должен был проводить группу. Он проводил ее. В служебном своем рвении проводил дальше, чем следовало. И вот результат: убит. В этом случае все в порядке. Семья будет получать пенсию, друзья посочувствуют – такое наше проклятое дело. Ругают штабников, а что они могут сделать? Это единственный выход. По-своему честный. Собственный приговор, самим приведенный в исполнение. Никто ничего не теряет и не выигрывает...

Майор Лебедев сделал несколько шагов к переднему краю, к заболоченной пойме, тщательно расправил гимнастерку, поправил фуражку, словно собираясь на встречу с начальством

– офицер всегда должен быть офицером. Тем более разведчик. Потом остановился и усмехнулся.

Хорошо. Пал смертью храбрых... Но ведь это подарок врагу! На его, Лебедева, место сядет другой человек, и снова пойдет в тыл врага новая группа, потому что война безжалостна и командующему нужно знать, что появилось перед фронтом его армии. Если он не узнает этого – на армию, на знакомых и незнакомых людей может обрушиться непредвиденный удар и погибнут уже не только разведчики, но и тысячи других солдат. И именно он, майор Лебедев, ценою жизни спасая свою честь, честь своей семьи и друзей, будет виноват в смерти и страданиях многих людей.

Да, крути не крути, а выбор, как и все на войне, вырисовывался безжалостный и точный. Выбор совести, офицерской чести.

Справа, там, куда уходила излучина заболоченной, очистившейся от тумана поймы, небо тронула розоватость, и невидимая сплюшка опять сообщила, что она спит. Майор вздрогнул – он так и не привык к птичьему щебету, – круто повернулся и зашагал в тыл, подальше от невезучей землянки, тайно выкопанной, тайно покинутой и теперь молчаливой, как могила.

Лебедев пошел в тыл, где был его «виллис», где сидели специально натренированные радисты, которые вот уже три дня слушают эфир на необычной, подстроенной к немецкой волне. На это тоже делалась немалая ставка. Радисты Зюзина учились «выстреливать» сообщения в перерывах между немецкими передачами, что затруднило бы противнику пеленгацию раций. Кого слушали радисты, они не знали, хотя все это время майор Лебедев дважды в день появлялся у них и спрашивал:

– Ничего?

– Никак нет, – отвечал старший, – имеется. – И протягивал бланки с текстами, которые составлял майор для тренировки зюзинских радистов.

Ребята справлялись с заданиями хорошо, но Лебедев, получив бланки, становился печальным, озабоченным и ронял:

– Плохо...

И в этот раз он тоже зашел к радистам и спросил, как всегда:

– Ничего?

Сердце у него колотилось, как никогда, он боялся, что ему ответят: «Попали в засаду». Только сейчас, у радистов, он понял, что в нем все еще жила какая-то надежда. Скорее всего на нелюбимого им, но везучего лейтенанта Зюзина. Может быть, там в тылу, он, строптивый, оставшийся без начальственного надзора и руководства, все решит по-своему, все переиграет и выскочит из неминуемой передраги...

Старший смены ответил:

– Никак нет. Молчат.

– Значит, не время, – сказал майор и поспешил уйти, хотя, честно говоря, должен был остаться и ждать еще одного сеанса связи: надежда все еще теплилась.

Лебедев поехал в штаб армии, разбудил начальника разведотдела и доложил, что он думал и видел.

– Вы, конечно, понимаете, чем это пахнет? – спросил полковник Петров своим обычным, мягким, вкрадчивым баском.

– Разумеется. Поэтому и не дождался второго сеанса связи.

– Странно... Логичней было бы дожидаться: все-таки какая-то надежда...

– Возможно. Но о результатах сеанса можно узнать по телефону. Последствия же провала нужно срочно ликвидировать.

Полковник походил по избе, потрогал зачем-то угол русской печи и решил:

– Нужно немедленно доложить командующему.

– Так точно.

- Докладывать будете вы.
- Есть.

Майор Лебедев представлял, что означает этот доклад. Он приготовился к худшему и не ждал поблажек. Сам он уже как бы отрешился от действительности, от самого себя, прежнего, и теперь жил чужими, точнее, общими интересами, для которых он, как таковой, не имел ни малейшего значения. Он выполнял свой офицерский долг. Может быть, последний, но все-таки долг.

Полковник опять походил по избе, спросил:

- Есть хотите?
- Нет. Пить.

– А я, представьте, как только неприятность, хочу есть. – Петров достал консервы, хлеб, открыл термос и поставил два стакана. – Пейте. И все-таки советую поесть.

Майор выпил теплого крепкого чая, потом, поколебавшись, налил второй стакан.

– Сядьте. Следующий сеанс в пять утра?

– Так точно.

– Сейчас четыре двадцать. Подождем докладывать командующему. Давайте подумаем, в чем наша ошибка.

– Думал. Все время думал. Найти не могу.

– Предположить, что кто-то из нас троих шпион, невозможно. Что кто-то проболтался – тоже. Значит, нужно искать утечку информации извне. Во-первых, Зюзин отбирал людей только из своего взвода, хотя об отборе знали все разведчики роты. Когда отбирают людей, опытные разведчики могут предположить, что задание сложное. Если они при этом знают, что на таком же задании уже сгорели три группы, вывод сделать нетрудно.

– Правильно. Но все три группы были из разных разведрот. Во всех трех ротах никто не знает, что они погибли. Наоборот, как было договорено, их осторожно информируют, что группы продолжают выполнять задание.

– Все равно нужно проверить этот канал. Во-вторых, штабные работники. О провале могли знать... – Полковник Петров перечислил всех, кто мог знать о провале. – Но они знают также и другое: больше разведгрупп через линию фронта засылать не будут. Пошлют воздухом. Такие группы действительно готовятся. Следовательно, о группе Зюзина они не знали, как вы не знали о десантных группах.

– Возможно, ненадежный человек был в самой группе Зюзина?

– Возможно. Контрразведчики высказывали сомнения насчет некоего Матюхина. Но и они не знали, для чего отобрана группа Зюзина и, значит, Матюхин. Остановимся на этом варианте: Матюхин или кто-то другой – ненадежен. Зюзин, по вашему докладу, тоже был обеспокоен и, стараясь – подчеркнем это «стараясь» – нарушить установленный срок, пошел в разведку как бы по наитию. Значит, даже если у него в группе был предатель, он не успел бы известить об этом противника, а тот – организовать засаду.

– Так точно. Но...

– Предатель мог сделать это по дороге?

– Не думаю. Сложно. Тем более вы сами докладываете, что видели свет фар до перехода. Кстати, раньше этого не было или мы не замечали. Во всяком случае, этостораживающий штрих. Противник овладевает приемами ночного боя и даже вносит кое-что новое – подсветку фарами. Однако для того, чтобы организовать такую подсветку, надо заранее продумать план, вывести в нужное место технику и людей. Значит, ждать нашу группу именно в этом месте. – Полковник сделал паузу, вздохнул. – Таким образом, получается заколдованный круг: все замыкается на нас троих.

– Считаю необходимым напомнить, что по маршруту группы Зюзина наши люди уже проходили.

– Да. Но те, первые группы, шли иной, чем Зюзин, дорогой.

– Так точно.

– А результат тот же.

– Кроме автомобильных фар.

– Правильно... Недавно мы с начальником контрразведки и его заместителем специально занялись рассмотрением причин предыдущих провалов и пришли к выводу: информация могла просачиваться только от нас.

Впрочем, контрразведчик не знал о группе Зюзина. Сегодня он может сказать, что мы поступили неправильно, не поставив его в известность.

– Но тем самым мы намеренно сузили круг...

– Который, не забывайте, замкнулся на нас. – Полковник опять походил, сделал бутерброд и пробасил: – Да-а, дела-а... Горим, как говорится, ярким пламенем. Что будем делать?

– Что горим – ясно. Что делать? Прежде всего думать.

4

Автомобильные фары погасли. Слышались сдержанный говор солдат, негромкие команды, грохот сапог о борта машин, звон оружия. Потом вспыхнули тусклые подфарники, и почти сразу заскрежетали стартеры и фыркнули моторы. Машины медленно выстраивались в колонну. Вскоре они двинулись через непаханое поле.

После того как шум колонны утих, слух обострился, и Матюхин услышал неизбежные в каждом лесу шорохи: может быть, прополз уж или проковылял ежик, может, землеройка вынырнула на поверхность. Но посторонних, человеческих звуков в дубраве уже не было. Матюхин сказал:

– Пронесло.

Сутоцкий промолчал. Он все еще стоял на ветвях дуба, прижавшись большим, плотным телом к стволу.

Матюхин не то предложил, не то приказал:

– Будем спускаться, – и, спрыгнув на землю, залег, огляделся.

Сутоцкий прилег рядом, внятно произнес.

– А все-таки ты – сволочь.

Матюхин вздрогнул, быстро взглянул на товарища:

– Выясним позже. Сейчас будем выполнять задачу. – Он помолчал и стал шепотом раздумывать вслух: – Мне не верится, что они не оставили засаду... Раз они встречали нас так торжественно и если они, забрав трупы, сразу уехали, даже не прочесав второй раз лес и округу, значит, они приблизительно знали, сколько нас. Видимо, нас где-то пересчитали. Правда, на двух можно ошибиться – все-таки сумерки... А вдруг кто-то из наших не убит, а только ранен? Тогда он может сказать, сколько нас было на самом деле.

– Что ж они такие сволочи, как ты?..

– Лейтенант приказал в бой не вступать...

– Смотри в какой...

– Сказал, выясним позже. Я, к твоему сведению, по опыту знаю, что раненым, да еще у немцев, да еще первый раз... можешь и заговорить, Не хочешь, а заговоришь. Особенно в отчаянии. Ведь каждый сейчас уверен, что погибли все. В этом они убедят. Покажут трупы и убедят. Затем, наверное, и брали трупы. Вот и скажешь, чтобы освободиться от пыток и приблизиться к смерти. Там, дорогой, смерть не несчастье, а избавление!.. Значит, не сейчас, так позже нас начнут искать. Да и народ они аккуратный – засаду наверняка оставили. Потому считаю: нам нужно двигаться влево, вдоль передовой, а уж потом, километров через пять, сворачивать на маршрут. Свернем, а там поглядим. Согласен?

– Пошли...

– Поначалу не пошли, а поползли.

И они поползли от дуба к дубу, от куста к кусту. Уже занялась заря, запели птицы, а они все ползли и ползли. Горели колени, ладони, очень болела шея. Как ее ни поворачивай, а она все время в напряжении.

Дубрава постепенно перешла в разнолесок. Все чаще стали попадаться заросли жимолости, орешника, волчьей ягоды и папоротника. Матюхин привстал, огляделся. Было уже совсем светло, лес тихонько пошумливал. Ветер доносил болотную прель.

– Двинули.

Теперь они свернули прямо на запад, в тыл врага. Пройдя метров триста, оба вздрогнули: неподалеку хрустко выстрелила ветка и забились сильные птичьи крылья.

– Черт! Тетерку, видимо, испугнули. Это хорошо, – проворчал Матюхин. Подумал и предложил: – Но двигаться давай все-таки перекатами. Обоим гибнуть не с руки.

Он быстро пошел вперед, петляя между стволами, и встал за первой сосной, встреченной в лесу. Теперь двинулся Сутоцкий. Он минул Матюхина и тоже затаился за деревом.

Так они и шли перекатами, прислушиваясь, принохиваясь и приглядываясь. Лес был тревожно затаен: тянул ровный ветер, с деревьев падали посорки, иногда вспархивали птицы. Странно, но они не слышали птичьего пения. Его как бы не существовало, хотя лес звенел птичьими голосами. Когда неподалеку от просеки внезапно раздался противный крик сороки, Матюхин сразу присел. Проклятая птица предупреждала лес, что в него вошли посторонние.

Разведчики притаились, прислушались, потом осторожно двинулись через просеку с телефонной линией: бурые, кое-где накренившиеся столбы, два тонких, жалобно позванивающих провода.

Матюхин посмотрел на просеку, прикинул, что старая линия идет к заболоченной пойме, а другим концом, видимо, к ближнему, занятому противником районному центру Радово, и понял: километра через два должна быть дорога. Поэтому он сказал:

– Айда к дороге.

Сутоцкий молча шел следом. Минут через двадцать вдалеке послышался шум автомобильного мотора, и они, переглянувшись, опять двинулись перекатами. Впереди за поредевшими стволами блеснула гравийная дорога. Солнце только что встало, и невидимые осколки стекла на шоссе вспыхивали ослепительно и весело.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Матюхин, – вышли. Теперь нужно брать «языка».

Сутоцкий молча кивнул и посмотрел на напарника уже не так ненавидяще, как раньше. Матюхин грустно усмехнулся:

– Остыл? Теперь давай выясним, почему я сволочь.

– Потому, что не разрешил стрелять...

– А что бы это дало?

– Что бы ни дало, а... свои гибли.

– Верно. Гибли. Но ты что, думаешь, такой командир, как Зюзин, случайно приказал нам отделиться? Он ждал засады. И страховался нами.

– Понятно... И все-таки... Что-то тут есть... такое...

– Есть. Нарушение правила: сам погибай, а товарища выручай.

– Вот!

– Ну а если нам повезет и мы хоть что-нибудь узнаем? Тогда как?

– Что мы должны узнать?

– Ты примерно знаешь: проверить наличие новых частей.

– Больше ничего?

– Большого я не знаю. Может, и было, да лейтенант не сказал.

– Как проверить? Бродить и искать?

– Много не набродишь. Будем брать «языка».

– А как потащишь через линию фронта?

– Тащить не придется. Поташим сведения.

Сутоцкий поморщился:

– Не люблю мокрых дел.

– Я тоже, но придется. – Матюхин помолчал. Лицо у него сделалось жестким: глаза сузились, губы поджались. Резче выпятились скулы. – Думаю, сделаем так: я буду выходить на дорогу, останавливать и беседовать. Если подходящий – дам знак, подойдешь ты и вместе прикончим.

– Общий разговор!

– Принцип действия. В каждом отдельном случае будем вырабатывать свой план.

Они приблизились к дороге и спрятались в кустарнике. Мимо промчалась легковая машина, потом, выбрасывая черные клубы дыма, прогудел дизель.

– Старый мотор, не из пополнения, – пробормотал Матюхин.

И тут его подтолкнул Сутоцкий. Матюхин понял его сразу. На другой стороне гравийки шла шестовая линия связи. Они перебежали шоссе и выбрали место, где линия несколько провисала над заброшенной лесной дорогой. Они надрезали, а потом разорвали кабель, отошли и замаскировались в подлеске.

По дороге прошел неторопливый обоз, проезжали мотоциклы и машины, лязгая гусеницами, проследовал бронетранспортер. Матюхин отметил:

– Этот новенький. Или мотор новый.

Прошло не менее часа, прежде чем появился связист. Он быстро нашел обрыв, но стал так, что нападать на него было неудобно, и, как назло, по дороге неторопливо трусили две пустые немецкие колымаги, запряженные огромными мохноногими тяжеловозами. Кони были сытые, лоснились и изредка пофыркивали, словно рвались перейти на рысь.

Связист прозвонил линию, получил ответ от обоих конечных абонентов и пошел, но не назад, а вперед, к той просеке, по которой тянулась старая линия. Он осмотрел ее в обе стороны и повернулся, чтобы идти в часть. И тут на него молча вышел Сутоцкий. Связист побледнел, сделал было шаг назад, потом потянулся за винтовкой, но не успел ее снять: Сутоцкий спокойно, размеренно шагнул и молча ударил его подвздох. Связист охнул и перегнулся в пояс.

Сутоцкий все так же спокойно подхватил его за шиворот, оттащил в кусты, забил в рот кляп и перекинул через плечо. Андрей Матюхин заботливо подобрал немецкую пилотку, новенький телефонный аппарат, винтовку и пошел следом.

Метрах в ста от дороги Сутоцкий положил связиста на землю. Матюхин обыскал его. Солдатская книжка не обрадовала: связист был из старой, хорошо знакомой дивизии, которая уже несколько месяцев стояла в этих местах. Потом Андрей внимательно прочел письма, рассмотрел фотографии. И книжку и письма он вложил в карманы связиста, а сигареты и зажигалку взял себе. Потом крепко потер связисту уши и подул на него – солдат очнулся.

– Курить будешь? – мягко спросил Матюхин.

Связист открыл глаза и долго смотрел на разведчиков. Сутоцкий нахмурился. Немецкий солдат казался жалким – худощавый, с провалившимися щеками и жилистой, кадыкастой шеей. Из уголков маленьких светлых глаз медленно скатились мутные слезинки, должно быть от боли. На его потрепанном мундире были знаки за ранение и за участие в зимней кампании сорок первого года. Старый солдат, он знал, что его ждет, и Сутоцкий понял его.

В бою он, не задумываясь, убил бы любого такого, как этот немец, а вот здесь, в летнем, еще входящем в силу лесу, пахучем и теплом, сделать это трудно...

Матюхин вынул кляп и протянул немцу его пилотку. Тот машинально надел ее, проверил, правильно ли она сидит.

– Вот какое дело получилось, Курт Штильмайер, – сочувственно произнес Матюхин и вынул сигареты. – Ни тебе, ни нам такие встречи, конечно, ни к чему, но что поделаешь. – Связист оторопело посмотрел на Андрея, а тот добавил: – Мы тебя понимаем – жена, трое детей... Да хоть бы немец, а то австриец, и не известно, за что пропадать... Карла давно убили?

– М-м... В апреле...

– Жаль... Он был хорошим мастером. Мальчишка его мастерскую не поднимет. И если так пойдут дела, то, пожалуй, его заберут в армию.

Штильмайер как будто и приходил в себя и в то же время обалдевал все сильнее. Он не мог понять, откуда этот парень, в непонятной форме, говорящий по-немецки с легким силезским или еще каким-то северным акцентом, знает о нем такие подробности. Матюхин, казалось, не замечал его растерянности.

– Не знаю, как вы решили с Мартой, но я бы на твоём месте забрал его семью к себе: в деревне легче прокормиться. Да и девчонки помогут Марте. Поросята требуют ухода.

– Марта не любит Ани...

– Она ее не любила раньше – городская. Сейчас сравниются. У женщин слабые сердца, а горе общее.

Штильмайер кивнул и потупился. Должно быть, его по привычке охватили домашние заботы. Андрей протянул ему сигарету, чиркнул зажигалкой, дал закурить, потом закурил сам и с удовольствием затянулся – давно не курил.

– Знаешь, Курт, давай напрямую. Что нам, что тебе умирать желания нет. Ты не дурак, понимаешь, что ты не шваб и от этой войны, даже если фюреру кое-что и удастся, лично ты ничего не выгадаешь. Разве что сможешь опять покупать удобрения, которые вам сейчас не дают, да, может быть, снизят налоги. Так я говорю?

– Та-ак, – протянул связист.

– Ты не удивляйся, откуда я все знаю. Год болтался в ваших местах. Даже твой Мариендорф знаю. И Гюнтера знаю. И то, что сына он все-таки пристроил в «Адлерверке». Значит, на фронт он не попадет. И то, что...

– Это еще не известно... – перебил австриец.

– Тебе не известно. А нам известно. Гюнтер не ты. Он, как теперь говорят, не каждое яичко метит.

– То так, – кивнул Курт. Эта подробность словно примирила его с допрашивающим, утвердила правильность его слов.

Сутоцкий смотрел на Матюхина, как на колдуна. Он и не предполагал, что во время войны каждое крестьянское хозяйство обязано было с чисто немецкой аккуратностью своевременно сдать на заготовительный пункт каждое снесенное курицей яйцо, предварительно проставив на нем дату и порядковый номер. Никто не имел права даже яйцо продать по собственной инициативе. Но тот, кто пользовался властью, метил не каждое яйцо, спекулировал и наживался.

Андрей Матюхин никогда не бывал в Австрии, но считал, раз так заведено в Восточной Пруссии и Шлезвиге, через которые он проходил, бежав из плена, то в Австрии, второсортной провинции великой Германии, порядки должны быть еще строже.

– Ну вот... Поэтому я открываю карты: мы разведчики. Нам нужно знать, что делается в ваших тылах. Времени у нас немного. Мы тебя на обратном пути прихватили. Так вот... Расскажешь все по-честному – отпустим. Нет – сам понимаешь... Уйдешь и обманешь, выдашь – наши люди найдут способ сообщить СД о нашей встрече. И тогда твоя семья... Сам понимаешь...

Штильмайер постепенно приходил в себя. В его голове улеглось еще не все, но главное он понял: есть надежда выжить. А раз так, надо сначала выжить, а потом на свободе подумать, как поступить. И он покорно, излишне покорно покивал:

- Та-ак... Что... что вас интересует?
  - Все. Начнем с самого простого. Прибывшие танкисты – эсэсовцы?
  - Эсэсовцы.
  - Откуда? Наименование или номер части?
  - Не знаю. Но, видно, с юга – загорелые и веселые.
  - Ну а те, что стали дальше, тоже эсэсовцы?
  - Не знаю... Знаю, что из Франции пришли мотострелки – наши шоферы выменивали у них сало на коньяк. Штаб у них в Радове, а части в лесах вокруг. Я тянул связь...
  - Правильно... эсэсовцы левее.
  - Наоборот.
  - Ну да... Это если смотреть из тыла. Если же отсюда, то эсэсовцы правее и впереди Радова, а мотострелки в центре.
  - Так.
  - А танкисты левее и чуть сзади. Колонные пути пробивали?
  - Не знаю...
  - А знаешь, что было сегодня ночью?
  - Говорили, что опять попалась русская разведка. Я спал...
  - К сожалению, попалась... Впрочем, так дуракам и нужно: нельзя трижды лазить в одно и то же место. – Курт недоверчиво посмотрел на Андрея. Матюхин усмехнулся: – Неужели ты настолько глуп, чтобы не понять: у нас, как и у вас, разведкой занимаются не только войска... – Андрей презрительно покривился: – Эти, ночные, из войсковой разведки. Как их засекают, не слышал?
  - Нет... Там, за дубравой, часто проезжают легковые машины...
  - К болоту?
  - Да. Наши сейчас собирают имущество, будут передвигаться правее...
  - Как правее? Если смотреть отсюда?
  - Да. К югу. Батальон с болота снимают. Наверное, туда выйдут мотострелки. Они там все время шныряют. Ребята говорили, что эсэсовцы тоже околачиваются там.
- Матюхин на мгновение задумался, нарушив непринужденный тон и темп допроса. Потом совладал с собой, но отметил озабоченно:
- Ты прав... Удар они нанесут именно через заболоченную пойму – она подсохла. Все сходится. Неясно одно... У нас есть сведения, что кроме эсэсовцев и мотострелков сюда подошли еще какие-то не то танкисты, не то самоходчики – сведения поступили от партизан, а они не рассмотрели. Мы же их не нашли... Ты ничего не знаешь?
  - Точно – нет. Но, по-моему, к нам в дивизию пришли средства усиления – отдельный самоходный полк. И танкистам, которые нас поддерживали, пришло пополнение.
  - Ага... Вот теперь все ясно. Где они стали?
  - Самоходчики – не знаю. А танки, как и всегда, – в Горячей Буде.
  - Спасибо. Ты нам здорово помог. Можно не тащиться в Горячую Буду. Это точно?
  - Точно! Я сам там бывал и видел.
  - Хорошо. Последнее... – Сзади Штильмайера, из глубины леса, донесся подвывающий звук автомобильного мотора. Сутоцкий обернулся на звук. Матюхин продолжил: – Последнее. Ты не знаешь номера мотострелковой дивизии?
  - Нет... Впрочем... кажется, седьмая...
- Шум мотора нарастал, и Матюхин коротко бросил Сутоцкому:
- Прикрой.
- Штильмайер прислушался и вопросительно взглянул на Матюхина.
- Ну и что? – пожал тот плечами, – Подъедут – поговорим. Если потребуется, прикончим.
  - Да, но...

– Послушай, Курт, подошел настоящий экзамен. Выйди, останови, спроси откуда и куда. А я постою послушаю. – Штильмайер сглотнул слюну и умоляюще посмотрел на Матюхина. – Не трусь! Объясни, что ты здесь потому, что все время рвут линию, и тебе это надоело. Вот и все.

Курт покорно кивнул и поднялся. Матюхин на четвереньках продвинулся за ствол березы и изготовил автомат. Открытая машина-тягач, которыми обычно противник таскал противотанковые орудия, с двумя ведущими осями, подминая деревья и ныряя на старых колдобинах, поравнялась со Штильмайером. Он вышел из-за кустов и поднял руку. Два сидящих позади автоматчика вскинули оружие.

– Простите, господин обер-лейтенант, это не ваши машины рвут линию? – спросил Курт.

– А что, разве у вас здесь линия? Что-то не видел...

– Нет, она не здесь, а у выхода на дорогу. Мне надоело чинить и получать замечания.

– Значит, нужно подвесить провод повыше, – ответил офицер, которого Матюхин так и не увидел, и скомандовал: – Поехали. – Мотор прибавил оборотов. Офицер раздраженно бросил: – Порядки! Берегут старую цивильную линию, как будто она кому-нибудь нужна, а боевые тянут черт те где...

Машина скрылась и, судя по короткому взрыву-перегазовке, взобралась на шоссе. Курт вернулся и вытер испарину со лба.

– Кто?

– Саперы. Если судить по свеженьким мундирам – из мотострелковой.

Матюхин вынул сигареты и зажигалку, подумал, предложил закурить и извинился:

– Прости, у тебя позаимствовал. Зажигалку возвращаю. Сигареты оставлю... Вот такая просьба: ты можешь отдать мне телефонный аппарат?

– Как же я?..

– Сам говоришь, будете передвигаться. В неразберихе всегда сопрешь другой. Да у вас наверняка есть запасные. А нам пригодится.

– Не думаю...

– Напрасно. Новые части не навели своих линий и не пользуются радио. Значит, они пользуются вашими линиями. Вот мы слушаем по дороге. И еще. Постарайся сдать в плен. Сразу доложи, что работал на лейтенанта разведки Зюзина и Матюхина. Запомнил?

Курт с мягким, картавым австрийским акцентом повторил фамилии.

– Если будут придирааться, стой на своем, требуй, чтобы доставили в разведку. Там расскажешь о нашей встрече. Если с пленом не получится, живи, как жил. Да, если придет кто-нибудь из наших и передаст привет от Зюзина или Матюхина, ничего не спрашивай, только выполняй. И не тревожься: часто беспокоить не будут. Да вот еще что. У тебя есть бумага?

– Должна быть...

– Доставай.

Курт стал шарить по карманам, вынул солдатскую книжку, письма, бумажник... Достал листок чистой бумаги, самописку и вопросительно посмотрел на Андрея.

– Пиши: «Расписка. Я, Курт-Мария Штильмайер, обязуюсь свято выполнять все приказы и распоряжения советского командования, направленные на благо моей поработанной родины. И да поможет мне в этом Бог!» Подпись.

Штильмайер написал, расписался и протянул бумагу Матюхину. Андрей покачал головой:

– Ты неправильно расписался.

Курт побледнел:

– Я не понимаю.

– Посмотри сам... – Курт долго рассматривал свою подпись, потом едва заметно покраснел и поставил в конце фамилии точку. – Вот теперь все верно, – усмехнулся Андрей. – Кстати,

точка в конце подписи, как свидетельствуют графологи, указывает на твердость характера, на умение доводить начатое дело до конца. Верно?

– Возможно.

– Все, – закончил Андрей, пряча расписку в карман. – Можешь идти.

Штильмайер вытянулся, козырнул, но Матюхин протянул ему руку, и Курт с опаской, почтительно пожал ее.

Сделав несколько шагов, обернулся. Матюхин уже скрылся за стволом березы. Курт прошел несколько шагов и опять обернулся – он все еще ждал выстрела в спину.

Но было тихо. Пели птицы, и поднимающееся солнце ощутимо припекало.

Штильмайер поправил пилотку, вышел на дорогу и с облегчением перекрестился, в душе оправдывая себя, смиряясь с происшедшим и радуясь, что остался жив. Потом подумал, вспомнил о Карле, о семье и решил: «В конце концов, я сделал это не столько ради себя, сколько ради родины. Если ее мог продать Шикельгрубер¹, то я должен сделать для нее добро».

Он почувствовал себя крепким и умным, выпрямился, осмотрелся. Дорогу перечеркивали следы машин. Курт вспомнил обер-лейтенанта-сапера, все, что с ним произошло, и представил, что произойдет, если русские разведчики будут убиты или, еще хуже, попадутся живыми. У него перехватило дыхание: ведь он теперь связан с ними, связан жизнью и смертью. Он остановился, молитвенно, как истый католик, сложил ладони на груди и склонил сухую, лысеющую голову.

– Господи! – проникновенно произнес он. – Господи! Спаси их и сохрани!

5

Старший по смене виновато ответил:

– Молчат.

Майор Лебедев горестно, уже не играя, а искренне вздохнул и сказал свое обычное «Плохо...»

Полковник тоже вздохнул:

– Надо идти докладывать.

– Хорошо, – кивнул майор, повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился и сдавленно произнес: – Товарищ полковник... в случае чего... чтобы семья...

– Прекратить! – резко взорвался полковник, и от этого жесткого командирского взрыва майору стало легче. – Получим, что заслужили... Только ведь и мы люди. Разберутся. – Голос полковника сник. – В конце концов, не первый год без страха и упрека... И вообще... не беспокойся.

Командующий, оказывается, уже не спал. У него были начальник «Смерша» и член Военного совета – худощавый генерал-майор, невысокий, в отлично сшитом кителе и мягких сапогах. Когда Лебедев вошел в горницу командующего, он прежде всего отметил неслышные шаги члена Военного совета.

– Засада? – не ожидая доклада, спросил командующий и, словно ему неведомо стало держать на венском хилом стуле большое, рыхлящее тело, оперся о стол кулаками.

– Так точно!

– Но ведь время сеанса только что окончилось?

– Разрешите доложить по порядку.

Начальник «Смерша» придвинул к себе папку и устроился поудобнее. Член Военного совета сменил маршрут и шагал теперь за спиной майора. Лебедев точно, коротко, сам удив-

---

¹ Настоящая фамилия Гитлера, родившегося в Австрии.

ляясь этой точности и ясности изложения – ему казалось, что мысли у него спутаны, – доложил все, что видел.

– Та-ак. Четвертая потеря, – протянул командующий и, обратившись к контрразведчику, едко отметил: – А вы тут толковали, что проверили все возможное.

Светловолосый, коротко стриженный, с полным круглым лицом и неуловимым взглядом глубоко сидящих глаз полковник каменно молчал.

– Вы, конечно, понимаете, майор, чем все это пахнет? Для вас, меня, всей армии...

– Так точно, – опять не своим, сдавленным голосом ответил Лебедев.

– Вот так... – наливаясь кровью, сердито бросил командующий. – У разведчиков – так точно. У контрразведчиков – так точно. Меня командующий фронтом каждые три часа греет, и я – так точно, а... – Генерал плохо знал немецкий и потому сказал по-польски: – Вшистка в пожонтку².

В горнице стало неприятно тихо, и как раз в эту минуту в нее заглянул первый ласковый золотисто-алый луч солнца. Он осветил дорожку-дерюжку у ног майора, потом передвинулся и окреп. Член Военного совета обогнул майора и спросил у него:

– У вас какой пистолет?

– Вальтер.

– Мода? Или бьет лучше?

Командующий и полковник уставились на майора, ожидая ответа на вопрос, вероятно ненужный в этой обстановке, но решающий что-то очень важное, касающееся и майора, и всех, причастных к этой печальной истории.

– Пожалуй, мода.

– После того как увидели свет фар и поняли, что к чему, пистолет вынимали?

Лебедев побледнел. Это увидели все, потому что луч солнца стал ослепительнее. Но все увидели еще и то, что майор строен и красив. Красив мужественной, не слишком броской красотой. И еще, что он чуть-чуть пижон. Даже не пижон, а отличается тем особым шиком, который приобретают кадровые офицеры, служащие в крупных штабах. Все на нем сидело как влитое, в то же время так свободно, что не мешало движению его худощавого сильного тела. Даже фуражка, надетая самую малость набекрень, и та казалась особенно красивой, ни на какую другую фуражку не похожей.

– Была... мысль, – выдохнул Лебедев.

– Ну что ж... Все правильно... – Член Военного совета вздохнул и опять вышел на свой маршрут.

– Товарищ командующий, – не шевелясь произнес контрразведчик, – разрешите задать несколько вопросов майору Лебедеву?

– Вопросы, вопросы... Что в них толку?! Зюзин погиб – вот что обидно!.. Задавайте.

– Товарищ майор, вы женаты?

– Так точно!

– Детей у вас двое – мальчик и девочка?

– Так точно.

– Семья в эвакуации, в Абакане?

– Так точно.

– Скажите, а связей здесь – я имею в виду интимные связи – вы не заводили?

– Никак нет.

– Верю. Но, может быть, вы все-таки знаете Евдокию Петровну Рожкову?

Майор покачал головой:

– Никак нет.

---

² Все в порядке (польск.).

- А телефонистку на армейском тыловом обменном пункте?
- А разве там есть телефонистки?
- Вам как разведчику это нужно бы знать. Не знаете?
- Никак нет. Виноват.
- Пока что вины не вижу.

Голос полковника – тусклый, ровный – заставлял напрягаться, и Лебедев не сводил глаз с той папки, которая лежала под рукой полковника. А он, как назло, медленно открыл ее, не торопясь вытащил лист бумаги, проглядел его, да еще и потряс, словно пробуя на вес. Потом протянул Лебедеву и предложил:

- Читайте вслух.

Лебедев шагнул вперед, принял этот листок осторожно, с опаской и в то же время с готовностью, и уже открыл было рот, чтобы произнести первое слово, но запнулся и посмотрел на полковника.

- Читайте, читайте. Это может оказаться и чепухой.

Лебедев пожал плечами и, откашлявшись, начал читать:

– «Приветик, Маша. Дождик прошел?» – «Какой там дождь – попрыскало, и все! А у тебя как? Сказала ему?» – «Ему скажешь! Примчался, машину бросил и убежал. Прибежал, веришь, на нем лица нет. Мне даже страшно стало». – «Наверное, опять неприятности». – «Да, у них служба такая...» – «Так и уехал?» – «Ага». – «И все равно довольно тебе мучиться – он не идет, сама намекни». – «Не знаю, веришь, как увижу, так ноги подкашиваются». – «Вот дура! Неужели рядом других нету?» – «Мало ли других... Слушай, Маша, пришли еще огурчиков. Такие огурчики! И еще, может, капустки». – «Чтой-то тебя, девка, на кисленькое потянуло. Одного любишь, а с другим...» – «Перестань, Машка. Я ж влюбленная». – «Когда ж теперь опять появится?» – «А он как ясный месяц: если у них операция – покажется, а нет – скроется. А я сохну». – «Ох и дура ж ты». – «А ты на моем месте?» – «Так и я ж, наверное... Присылай своего Ванечку, я у хозяйки и огурцов и капусты выпрошу. А если пришлешь старухе полотенцев – она и на соленые помидорчики раскошелится». – Майор растерянно огляделся и доложил: – Все.

- Знаю. Скажите, майор, как часто вы бывали на армейском обменном пункте?
- Обычно... дважды в день... последнее время.
- Почему?
- Там у нас рации.
- А не в последнее?
- Мы снабжались там. Так что... по потребности.
- Ясно. Где ставили машину?
- За углом школы, в которой размещался штаб.
- К радистам ходили пешком?
- Так точно. И каждый раз старался разными дорогами.
- Но все равно огибая здание школы?
- Так точно. Иначе нельзя.

– У меня все. У вас, товарищ командующий, к майору Лебедеву вопросы есть? Нет? У вас, товарищ генерал? Нет? Тогда, товарищ майор, я вас попрошу отправиться к моему заместителю и вместе с ним заново проанализировать все операции. Не спеша. Обстоятельно и, я бы сказал, отрешенно. Времени у вас теперь хватит.

Лебедев ушел, а командующий спросил у полковника:

- Думаете, в этой девичьей болтовне и есть разгадка?

– Пока не думаю. Пока только нащупываю. Дело в том, товарищ командующий, что майор ставил машину как раз против здания почты и, следовательно, районного коммутатора. Если учесть, что разговор двух подружек— честно скажу, мы уж куда только не совались со своими

подозрениями и контролем – был записан нами минувшим утром, то тут кое-что есть. Именно поэтому я так рано явился к вам. Как вы заметили, без вызова.

– Выходит, эта Дуся или Маша – шпионки?

– Нет, еще ничего не выходит. Пока что ясно, что эта самая Дуся влюбилась в майора и делится об этом с подружкой. Причем, как видите, очень аккуратно, как истая влюбленная, следит за каждым его шагом, за настроением. Если сопоставить все по времени, то...

– В этом есть рациональное зерно, – сказал член Военного совета. – Что собираетесь предпринять?

– Пока будем анализировать провалы, попробуем разработать эту линию.

Командующий помолчал, потом устало махнул рукой:

– Хорошо. В девять – доклад комфронтом. Попробую поспать.

6

Сутоцкий сопел и молчал. Матюхин, казалось, не обращал на него внимания. Как-то незаметно он обогнал напарника и теперь, ловко лавируя между кустарником и стволами деревьев, забирался в глубь леса между странной телефонной линией и той заброшенной дорожкой-просекой, по которой проехали немецкие саперы. Его худощавое, острое лицо было озабоченно, губы часто шевелились.

Внезапно он остановился и недобро спросил:

– Ты знаешь, куда мы идем?

– Нет.

– А какого же черта молчишь? Ты что, пешка?

– Ты ж взялся командовать... А я при тебе вроде... персональной охраны.

– Хватит, Николай! Давай договоримся. А то будем злиться друг на друга и провалим дело. Ты знаешь, что нам больше всего нужно?

– А черт его знает, что ты еще выдумал...

– Я сказал – хватит! Нам нужна связь! Понимаешь, связь! И еще – свежие головы. Давай лучше сядем и подумаем.

Они сели, и Сутоцкий спросил:

– Ты думаешь, этот самый Курт не приведет за нами «хвоста»?

– Не должен.

– Почему? Может, объяснишь, о чем ты беседовал с ним, что он тебе писал? Ты действуюешь, а я и в самом деле как пешка: в немецком-то я не силен!

– Не злись, Николай! Обскажу, как говорится, все до ниточки.

Андрей передал весь разговор с Куртом и объяснил свое поведение.

– Для тебя, может, все гитлеровцы на одно лицо. А я его увидел, сразу понял: австрияк. Они смуглее и чернявее. И наверняка мужик: шея тощая, а руки тяжелые. Мужики и там горбят – будь здоров. Когда прочитал письма, все стало на место. Австрияки, они помягче немцев, чувствительнее. А раз он еще и мужик, то, значит, как всякий мужик, соображать будет туго. Вот я вначале на чувствительность и ударил, пока он не пришел в себя, а потом уж на патриотизм: они ведь не слишком немцев любят.

– Теперь понимаю, но... не верю, что он, очухавшись, не доложит.

– А зачем ему докладывать? Ты одно пойми, мужик, бауэр – хоть немец, хоть австрияк, – он всегда немножко кулак, единоличник. Самому выжить, самому выгоду получить. Я в плену у бауэров работал, психологию их ой-ой как изучил. Он обязательно прикинет: а ему оттого, что он доложит, что будет? И сразу поймет: ничего хорошего не будет. Только плохое. В плен он все-таки попал? Попал! Расписку дал? Дал. Любой следователь, любой офицер прежде всего начнет допытываться: а что он такое сказал, что его отпустили подобру-поздорову? За призна-

ние ему сразу виселица. Не-ет, даже если б он и не австрияком был, и то промолчал бы. А он австрияк.

Он еще немножечко будет гордиться тем, что насолил швабам – так они настоящих немцев-пруссиков называют. А в плен придет – милости просим.

– А если не придет? Если против нас воевать будет?

– Слушай, Коля, скажи по совести: тебе радостно было бы его кончать? Стрелять же нельзя... – Сутоцкий смущенно хмыкнул. – Вот то-то и оно. Неприятно... Давай подумаем о худшем: этот Курт – дурак, доложил, за нами погоня. Что делать?

– Нужна связь.

– А ее нет! И еще. Раз саперы пошли по колонному пути, значит, скоро начнут выдвигаться войска, значит, близко ихнее наступление. Так я понимаю?

– Так. Почему все же ты уверен, что Курт сказал правду? Может, он врал.

– Нет. Он говорил правду. Он не отвечал на мои вопросы, а подтверждал или отрицал их. Такой, как он, быстро ложь не придумает. Правду говорил. А свидетельство тому – саперы.

– Какие предложения насчет связи?

– Погоди. Как ни говори, а проверять Курта нам еще придется. Карты у нас нет, а нам нужно точное расположение новых частей. Поэтому давай определим такой порядок. Сегодня день, до вечера, ведем подслушивание на всех линиях, что попадутся. Одновременно ищем связь. Если подвернется «язык» – берем и потрошим. Кстати, не исключено, что легкие машины, особенно специальные, вроде того тягача, могут иметь радиостанции. Если все удастся, вечером ты уйдешь к своим, а я останусь.

– Опять ты один решаешь!

– Возражай.

– Почему идти должен я и почему в одиночку?

– Нельзя рисковать. Если не пройдешь ты, завтра двинусь я. Почему лучше остаться мне? Я знаю язык. Еще одно: сигнал, что ты вышел к своим, – три красные ракеты в сторону... Нет, вспугивать не годится.

– Кого вспугивать?

– Я хотел сказать, в сторону поймы. Наоборот, на юг, в сторону Радова. Через каждые полчаса. Откуда-нибудь с дерева эти сигналы можно будет заметить.

– Ты говоришь так, словно я уже ухожу.

– Не злись, Николай. Мы сейчас не принадлежим себе. Если по каким-либо причинам первым придется идти мне, то сигналы у нас с тобой уже отработаны. Замечания есть?

Сутоцкий помялся, улыбнулся и буркнул:

– Жрать хочется.

– Точно! Что там будет впереди – посмотрим, а паек нужно срубить, пока он есть. А потом... Мало ли что будет потом!

Они поели, ополовинили фляжки, закурили.

Сутоцкий перевернулся на живот и задумчиво спросил:

– Послушай, Андрей, а что это за линия такая? На столбах.

– Вот и я думаю. Заметь, немецкий сапер возмущался, что ее нельзя трогать, Курт осматривал... А я, дурак, у него не спросил.

– Если она постоянная, так, может, главные передачи или там переговоры немцы как раз по ней и шпарят?

– Не знаю... Она ж, по-моему, пересекает линию фронта.

– Ну и что? У поймы она, конечно, оборвана – какой дурак ее оставит?! Тем более немцы! Они насчет разрушения народ аккуратный и, отходя, наверняка оборвали провод. А вот дальше они могут подсоединить к ней свои НП, и никакому разведчику невдомек будет, что по старой

линии ведутся переговоры. А новых нет. Полная маскировка. По-моему, они поэтому ее так берегут.

– Резонно. Давай начнем прослушивание с нее.

Матюхин открыл телефонный аппарат и нашел в нем запасные мотки кабеля, изоляционную ленту и даже пассатижи.

– Хороший солдат Курт. Службу знает.

Они вышли к просеке, по которой шла линия на столбах, огляделись. Матюхин, срезав длинные ветки орешника, приладил на них кабель и пополз к столбу. Накинув на провода с помощью орешин крючки, он подключил отводы к аппарату и приник к трубке. Послушал озабоченно, довольно ухмыльнулся и передал трубку Сутоцкому.

Где-то вдалеке играло радио. Тихо, иногда прерывисто, как это бывает в районных центрах, где радиотрансляционные и телефонные линии пересекаются неизвестными путями и в телефонных трубках всегда слышится радиопередача.

– Надо же! – усмехнулся Сутоцкий. – Культурно живут! Ну давай слушай, а я постерегу, поброжу вокруг, может, еще где линия есть.

Он отполз к опушке и скрылся в зарослях. Матюхин лежал, слушал и все больше недоумевал: по немецкой линии, кажется, звучала русская музыка.

7

Майор Лебедев сидел в избе заместителя начальника «Смерша» подполковника Каширина, слушал его рассуждения и не понимал: бессонная ночь, неудачи, мысли о семье – все перемешалось, спуталось, от этого ломило в висках.

Каширин – черноволосый, смуглый, худощавый, с пронизательно-черными глазами – несколько раз удивленно поглядывал на Лебедева и наконец понял, что майор не слишком внимательный собеседник. Каширин недовольно кашлянул, встал и вышел на кухню. Вернулся с начатой бутылкой коньяка, луковицей и солью. Молча налил треть стакана, молча, морщась и смахивая слезу, очистил луковицу, придвинул все к майору и предложил, как приказал:

– Выпейте. Иногда это помогает. – Лебедев рассеянно взглянул на коньяк и отрицательно покачал головой. – Перестаньте! Коньяк расширит сосуды, а лук, как говорят старики, прочистит мозги. Работать-то надо! И мне и вам.

Он был прав, этот, словно обугленный, подполковник. Лебедев выпил коньяк и, макая едкий, злой лук в крупную желтую соль, долго хрустел необычной закуской. Подполковник с интересом наблюдал за ним – слез у Лебедева не выступило. Тогда и подполковник отделил дольку и стал жевать:

– Деликатес... А чеснок, между прочим, не видел уже полгода.

– Да... – рассеянно кивнул Лебедев. – Последний раз чеснок приносил Зюзин.

– Немцы молодцы: и лук и чеснок завозят сверх всяких норм. Полегчало?

– Как будто, – улыбнулся Лебедев. Он действительно оживился. – Знаете, что меня сейчас волнует?

– Примерно представляю, в деталях – нет.

– Странная закономерность. Первая группа попала в засаду на зюзинском маршруте и, по моим сведениям, вела бой не менее получаса. Вторая, большая по составу на пять человек – в ней был почти взвод, – продержалась почти два часа. Третья, которая дала знать, что попала в засаду, примерно столько же. Четвертая была встречена иначе – с фарами – и продержалась недолго. Вам не кажется, что первая группа попала случайно? А последующие и в самом деле угождали в засады.

– Кажется, – спокойно ответил Каширин. – Вы видели сегодняшнюю сводку ночных наблюдений?

– Нет еще...

– Жаль... Я проанализировал записи наблюдателей на всех участках во время выхода второй, третьей и четвертой групп. И вот вам еще одна закономерность: на всех пригодных для перехода участках передовой, точнее, за ними наблюдатели отмечали шум машин. Мне уже вчера казалось, что противник знает, что пойдет разведка. Но не знал точно, где именно и когда. Поэтому заранее выставлял засады на всех возможных маршрутах.

– Это подтверждает, что шпион или шпионы не знали точного маршрута и времени выхода группы.

– Похоже... Но поскольку это говорю я, а нам выгодно такое поведение противника, это соображение сомнительно. Вы не сообщили нам о группе Зюзина, но я организовал проверку легенды. И вот что получилось: шум моторов был слышен и на зюзинском маршруте, и на маршруте третьей группы. Мало того, шум наблюдался не только сегодняшней ночью, но и прошлой. Похоже, что противник ждал Зюзина в двух местах двое суток.

Лебедев прищурился и взгляделся в карту. Коньяк растекся по жилам, взбодрил, и майор обрел привычную способность мыслить остро и стремительно.

– А на маршруте второй группы шум моторов не обнаруживался?

– Нет. И я думаю, вот почему: он проходил как раз посередине. Моторизованные группы противника в случае нужды могли немедленно перекрыть второй маршрут хоть справа, хоть слева.

– Логично.

– И еще. Вторая группа была самая мощная. Противник имел возможность считать, что мы будем наращивать состав разведывательных групп, поэтому третью и четвертую встречал усиленными моторизованными отрядами. Учтем, что перед нами до сих пор стояли обычные пехотные дивизии, а для создания моторизованных подвижных отрядов необходимо немалое количество колесных боевых машин. Или хотя бы транспортных. Вы – разведчик. Как, по вашему, смог бы противник сделать это?

– В принципе, конечно, да. Но это означало бы, что он вынужден был снять, например, арттягачи и транспортные машины с разных участков, сосредоточить их в одном месте и все время держать в состоянии готовности. По крайней мере с вечера. Это означает и другое: боевые части хоть на время, но рисковали остаться без транспорта. Не думаю, чтобы осторожные командиры немецких дивизий пошли на это, они, как правило, свято берегут неприкосновенность своих частей и не терпят передачи боевой техники в чужие руки. А без этого нельзя собрать единой подвижной группы. Да не одной, а по крайней мере двух!

– Вот-вот! Я тоже тут считал и пересчитывал. В принципе, конечно, возможно. Машин у них много. Хотя именно вот это обстоятельство – горор старших офицеров, помноженный на вполне законную тревогу за боеготовность своих частей, – мне кажется, не столько исключает, сколько затрудняет решение такой задачи. Поэтому хоть и осторожно, но можно предположить, что в зоне неудачных действий нашей разведки и в самом деле появились новые части. Скорее всего, моторизованные или танковые.

– Добавим еще манеру действия: одновременное включение фар десятков машин – прием, доступный только там, где противник не рассчитывает на сопротивление мощной артиллерии. Насколько мне известно, так немцы действовали во Франции, в Югославии...

– У нас на это рассчитывать они не могли. Артиллерии у нас достаточно, – прищурился Каширин.

– В принципе да... Но ведь группы, попавшие в моторизованную засаду, артиллерией не поддерживались. Мы ведь не хотели привлекать внимания. Поэтому, осмыслив нашу тактику, с группой Зюзина противник поступил смелее – включил фары. И еще мне кажется...

– Ну? – подался вперед полковник, – Может быть, наши мысли совпадут. Мне тоже начинает казаться...

- Мне кажется, что на маршруте Зюзина они ждали более мощную группу.
- Верно! Слишком уж много машин и прочесывающего огня. Других догадок нет?
- Нужно подумать...

– Выскажу свою. Мы, контрразведчики, естественно, изучаем тактику гестапо, СД, абвера – наших главных противников. Они занимаются разведкой против нас и карательными операциями. И мне кажется, что вот эта тактика – ослепление противника на маршруте – является тактикой карательных частей. Тех, кто воевал против партизан. Причем наверняка в сильно пересеченной местности: горной, горно-лесистой или что-либо в этом роде. Видите, мы опять подходим к мысли, что действовали свежие части, незнакомые с местными условиями, но имеющие опыт карательных действий. Причем довольно крупных. Где могли быть такие действия? У нас – в Карпатах, еще в Югославии, частично во Франции. Я убежден, что старые, так сказать, местные части противника, такую тактику применить не могли. Она им чужда. У них не родилось бы и мысли включать фары. А эти работали точно. Привычно точно! По схеме: предатель сообщил примерный маршрут, выставили засаду, твердо веря в свою безнаказанность, и по всем правилам карательной науки расстреляли разведчиков, как расстреливали партизан, прочесали лес и удалились – других сведений нет, тактика противника известна. Сделали дело – можно отдыхать.

– Что ж... – усмехнулся Лебедев. – Картина впечатляющая и позволяет сделать по крайней мере три вывода. Первый. Существует некий, не слишком осведомленный, но удивительно оперативный шпион. Он следит за нами, наших замыслов в точности не знает, но ухитряется их разгадывать. Хотя бы потому, что наша тактика, надо признать, оказалась шаблонной. Все четыре поисковые группы отправлялись в спешке и примерно на один манер.

– Согласен.

– Вывод второй. Перед нами появились свежие танковые или моторизованные части противника, прошедшие школу карательных операций. Предположительно из Франции или Югославии. Это мы, кстати, проверим и через штаб фронта и через Москву.

– Да. И поскорее. Если это подтвердится, гибель разведчиков в какой-то мере окупится.

– Наконец, третий вывод. Провал первой группы – случайность. Но по каким-то признакам умный немецкий офицер, разведчик или контрразведчик, нащупал в этой случайности закономерность. Мне кажется, что прибывший этого сделать не мог. Работает тот, кто постоянно следит за нами и кто, с одной стороны, свыкся с нашей тактикой, а с другой – нащупал ее слабые стороны. Значит, между прибывшими частями и давно стоящими здесь установлен прочный контакт.

– Не улавливаю причин.

– Весь район поймы в течение всей минувшей гнилой зимы и весенней распутицы для серьезных боевых действий был практически непригоден. Противник отвел оттуда основные войска. Может быть, на отдых, может быть, в резерв, чтобы в случае нужды вновь занять позиции вдоль поймы. Поздняя весна и начало лета были сухими. Пойма обезвожена. Мне даже кажется, что она выдержит танки, а при незначительной инженерной подготовке – саперы без труда наведут переправы – и колесные машины. Значит, пойма на данном этапе является идеальным местом для внезапного удара – как нашего, так и противника. И я не удивлюсь, если прибывшие танковые или моторизованные части нацелены именно на нее. Они, вероятно, стоят на расстоянии короткого броска-перехода от поймы и ждут своего часа. В этих условиях высылка моторизованных отрядов-засад является прекрасной тренировкой для войск, прибывших на новый театр военных действий, и освоения колонных путей выдвижения на рубеж атаки в ночных условиях.

– Правильно, – согласился подполковник. – В выводах мы сошлись. Что будем делать?

– Вы, видимо, искать осведомителя. Мы – немедленно сообщим и перепроверим свои догадки. Мне кажется, что и командующий фронтом и наш командующий потому так настойчиво высылают разведку, что опасаются именно этого варианта.

– Опять все правильно. Поэтому очень прошу: отвлекитесь от своих прямых дел и подумайте за нас, грешных. Осведомитель, шпион, все-таки существует. Оглянитесь свежим взглядом, проанализируйте. Ведь все мы в нашей жесткой обороне несколько успокоились. И вот результат: противник нас обошел. Дело-то в конечном счете одно делаем.

Майор не успел согласиться, потому что зазуммерил телефон. Каширин взял трубку привычным, даже несколько ленивым жестом, но сейчас же подтянулся и коротко бросил:

– Есть! – Он встал, одернул китель и повернулся к Лебедеву: – Обоих немедленно к командующему.

8

Матюхин слушал немецкую линию и продолжал удивляться: она молчала. Кроме далекого радио, ни одного слова – ни немецкого, ни русского. И вдруг в трубке что-то звонко щелкнуло и девичий голос – тоже звонко и весело – прокричал:

– Нина, передай Маше, что Дуся благодарит за огурцы!

– Передам. Что у вас?

– Тишина. Дуся говорила, что пойдет к старшине и достанет полотенцев для вашей бабки.

– Женя, ты там возле разведчиков крутишься, достала бы у них немецкую самописку.

– Ладно. Звони! Двадцать второй! – Голос телефонистки вдруг стал вредным и злым. – Что вы шумите? Сейчас дам вам Семнадцатого.

В трубке опять щелкнуло, и Матюхин сразу понял все. Так вот почему противник мог знать о проходе поисковых групп! Постоянная гражданская телефонная линия, оказывается, не была разрушена. Она действовала! И действовала в обе стороны! Видимо, немцы, когда отходили – да что там отходили, они же здесь драпали! – забыли или не захотели разрушить ее или хотя бы оборвать. Обычно они такими линиями не пользовались, у них своя, военная связь. Наши, когда заняли село, восстановили коммутатор, а дальше, видимо, не проверили. Зачем? Линия идет через болото, к немцам... Кому в голову придет звонить противнику? А фашисты, когда начали прикрывать пойму, а может, и раньше заметили, что идущая через их оборону линия действует. Вот и решили подслушивать. Правда, действовать линия могла только при определенном переключении на коммутаторе. Конечно, эти переключения учтены противником, и там, в Радове, на таком же коммутаторе сидят телефонисты и аккуратно записывают вот такие, пусть отрывочные, поначалу кажущиеся непонятными переговоры телефонисток. Многого они, понятно, услышать не могли – разговоры велись в основном тыловые: в армии ведь специальные линии, – да и подслушивать они могли только тогда, когда телефонистки выходили напрямую, что бывает редко, И все-таки кое-какие сведения они, видимо, получили. На столе у опытного, обладающего аналитическим умом разведчика эти отрывочные, беспорядочные разговоры телефонисток, сопоставленные с другими данными, постепенно превратились в точные сведения...

Матюхин был уверен, что именно так, из безобидной девичьей болтовни телефонисток двух разных коммутаторов, немцы узнавали о предстоящих выходах советских разведчиков и принимали свои меры.

На мгновение ему захотелось взвыть от жестокой обиды. Подумать только, из-за того, что какой-то олух не проверил, отключена ли уходящая к противнику линия – а отключить-то ее пара пустяков, – оттого, что не ведающие об этом девчонки-телефонистки в свободную от нудной службы минуту делятся между собой местными новостями и тем скрашивают свою в

общем-то суровую жизнь, погибли люди. И какие люди! Ведь для всех групп выбирали самых лучших разведчиков.

Матюхин подозвал Сутоцкого и рассказал ему о своих подозрениях. Сутоцкий взвился, стал ругаться, обещая, если вернется, покалечить и беспечных связистов и болтливых телефонисток. Слушая его, Матюхин понимал товарища, потому что сам был настроен так же. Но Сутоцкий вдруг умолк на полуслове и растерянно произнес:

– Так ведь это же связь!

– Не понимаю...

– А что же тут понимать? Раз немцы слушают наших, то и мы отсюда сможем поговорить...

– Подожди, Коля... Дай отдышаться... Однако если я передам туда, то... то ведь и немцы услышат?!

– Да зачем им слушать?! Отключим на время линию на них – и все дела!

Матюхин некоторое время недоуменно смотрел на Сутоцкого, потом понял его и облегченно рассмеялся:

– Принято! Давай быстренько составлять телефонограмму.

Обсуждая каждое слово, они составили донесение, и Сутоцкий предложил:

– Делаем так: я залезаю на столб, делаю раскрутку стыка. Как только ты услышишь голос этой... девчонки – даешь мне сигнал. Я отключаю линию на них, и ты передашь. Потом опять соединяем...

Прошло не менее получаса, прежде чем неизвестные разведчикам Нина и Женя снова соединились. Матюхин махнул рукой, и Сутоцкий разъединил провода, идущие на Радово.

– Девочки, – взмолился Матюхин. – Дело крайней важности. Может, и ваша жизнь от этого зависит.

– Кто говорит? – заволновались девчонки.

– Разведчики Лебедева. Если вы комсомолки и патриотки, немедленно запишите, что я продиктую, и передайте начальству. Оно знает, что нужно предпринять. – Телефонистки растерянно молчали. – Девочки, миленькие, родненькие, время не ждет. Ради нашей победы, записывайте! – умолял Матюхин, опасаясь, что так неожиданно найденная связь из-за девичьей трусости или несообразительности прервется.

Но телефонистки поняли: если так просят, значит, дело серьезное. По женской логике они, конечно, прикинули, что им будет, если они поддадутся на провокацию, но в то же время решили, что ничего им не будет: слушают и записывают двое.

Почти в один голос они сказали:

– Диктуйте, записываем.

Матюхин продиктовал донесение и добавил:

– Если выберемся, с нас трофеи. Привет Дусе.

Он махнул рукой, и Сутоцкий быстро сделал скрутку на телефонных проводах. Спустившись, он сказал:

– Знаешь, а нам нужно рвать отсюда. Все-таки при разъединении и соединении наверняка были щелчки и шумы. А главное, прекратились радиопередачи. Это может насторожить противника.

– Так или иначе смываться придется: нужно пощупать немцев еще где-нибудь.

Они подхватили телефонный аппарат и пошли в глубь леса, наискосок от Радова, как раз в том направлении, где, как показал Курт, стояли мотострелки, прибывшие из Франции.

9

В избе командующего армией толпились офицеры, которых ни Лебедев, ни Каширин не знали, – летчики, связисты, танкисты. Они равнодушно посмотрели на майора и подполковника, без особого почтения пропустили их в горницу.

В горнице кроме командующего находились начальник штаба и член Военного совета, начальники «Смерша», разведотдела, тыла и связи, командующий воздушной армией, с которой постоянно взаимодействовала общевойсковая армия. Прибывшие доложили о себе и вытянулись у порога. Командующий строго спросил:

– Что придумали?

Каширин незаметно толкнул локтем Лебедева, и майор коротко доложил об их общих выводах. Командующий молча кивнул начальнику штаба, тот протянул Лебедеву бумагу:

– Читайте оба.

Каширин наклонился к плечу Лебедева. Зазуммерил телефон. Авиационный генерал рывком снял трубку:

– Да-да! Я же приказал: немедленно, и всех.

«Товарищ майор Лебедев, – читали Лебедев и Каширин. – Задание выполняется. Северовосточнее Радова, в лесах, танковая дивизия (бригада) эсэсовцев. Прибыла с юга – крепко загорелые. Юго-западнее Радова – мотострелковая дивизия, прибыла из Франции – меняют французский коньяк, – возможно седьмая. Постоянные жители получили отдельный самоходный полк, откуда – не знаем. Поддерживающие их танкисты получили пополнение техникой. Сегодня саперы проводили рекогносцировку колонных путей в направлении поймы – маршрут Зюзина. Может быть, выйдем разными средствами на связь ночью. Матюхин, Сутоцкий».

Когда Лебедев вернул бумагу начальнику штаба, командующий спросил:

– Вы верите этому сообщению?

– Оно совпадает с нашими умозрительными выводами. Но... В такую удачу трудно поверить.

– Каким образом двое солдат, причем уцелевших от явного разгрома и избежавших отлично организованной засады, могли получить эти сведения? И могли ли вообще?

– Удача не исключается. – Лебедев пожал плечами и попросил обратно донесение. – Но выводы... выводы зрелые. Разрешите посмотреть карту? – Он подошел к столу командующего и прикинул расстояние до Радова, расположение дорог и просек, все, что знал о противнике, и решил: – Полагаю, что, если им повезло, они могли получить эти сведения.

– От кого? Кто именно?

– Скорее всего, Матюхин.

– Тот, что бежал из плена?

– Да. Знает язык, нравы и обычаи. Второй – боксер. Вполне вероятно, что, избежав засады, взяли «языка».

– Какой «язык» может дать такие, подчеркиваю, такие сведения? – вдруг рассердился командующий. – Генерала они взяли, что ли? И дислокация им известна, и откуда прибыли... Недоставало еще, чтобы сообщили численность личного состава и привычки командиров!

Лебедев опять задумался, но ответил твердо:

– Полагаю, они взяли в плен шофера или тылового унтер-офицера, а скорее всего, связиста.

– Обоснуйте.

– Человек, который более или менее свободно передвигается в тылу, должен обратить внимание на появление эсэсовцев – у них приметная форма, а если они загорелые, то все ясно. Обмен коньяка – солдатский телеграф. Саперов они могли видеть сами – ведь те двигались по

колонному пути, по просеке, и, значит, могли наскочить на разведчиков. Прибытие пополнения показывает, что «язык» у разведчиков из старой дивизии. Полагаю, что это связист.

– Почему вы не спрашиваете, каким образом донесение появилось у меня на столе?

– Полагаю, вы сообщите об этом. Впрочем, в группе Зюзина было две рации. Учитывая строптивый характер лейтенанта, могу предположить, что по выходе в тыл он разделил свою группу на подгруппы. Эти избежали засады и теперь вышли на связь. Хотя... Хотя скрупулезность Матюхина заставила бы его упомянуть имя радиста... Да... радиста не было. Радист, видимо, погиб, иначе Матюхин не доносил бы: может быть, выйдем на связь.

Лебедев еще продолжал размышлять вслух, до предела напрягая мозг, когда у него мелькнула мысль, совершенно независимая от всего, чем он жил и о чем думал, мысль, что от него, вероятно, пахнет луком. Он мгновенно покраснел, точно так, как несколькими часами раньше бледнел, стоя на этом самом месте.

Член Военного совета, который сидел в углу, у окна, и наблюдал за всем, что происходило в горнице, встал и по привычке начал ходить – легко и неслышно. Командующий с неприязнью посмотрел на него и вдруг подобрался, выпятил грудь и из стареющего, уже рыхловатого генерала превратился в того лихого рубаку-конника, стройного и вместе с тем тяжелого, каким был полтора десятка лет назад.

– Ясно! – властно и зычно произнес он и совсем забыл, что собирался поймать Лебедева на просчете в определении вида связи, с помощью которой разведчики передали донесение.

Сейчас для командующего все это стало прошлым и неважным. Он увидел большее, поверил в него и стал самим собой, то есть человеком, который умеет отбрасывать мелочи, умеет видеть главное и ради этого главного ломать все и всех.

Он резко, почти грубо выхватил из рук Лебедева бумагу с текстом донесения, почти швырнул ее перед начальником штаба.

– Пишите! Вместо «товарищ майор Лебедев» – «получено донесение». В конце, после слова «поймы», сделайте приписку: «Данные подтверждаются анализом ранее полученных сведений. Выдвигаю к пойме танковый и противотанковый резервы, прошу немедленно согласовать возможность массированного ночного авиационного удара по районам дислокации резервов противника». Моя подпись. Зашифруйте и – лично командующему фронтом. Вызовите танкистов. – Подумал и добавил: – И артиллеристов.

В горницу вошли вызванные офицеры. Они увидели, как недвижимо в центре стояли майор и подполковник, как мягко, размеренно кружил за их спинами маленький стройный генерал, и чутьем поняли: дело в этих двух – подполковнике и майоре, опасно, но с уважением покосились на них и стали несколько в стороне.

– Голошубенко! – обратился командующий к танкисту. – Немедленно выдвигай все танки и артиллерию вот на этот рубеж! – Командующий показал на карте. – Двигаться только лесом. Пехоту и спецчасти подтянешь позже. Азарян! Создать противотанковую оборону. Двигаться так же. Позиции занять в сумерках. Идите договаривайтесь.

Командующий, видимо, готовился отдать еще какие-то распоряжения, но его перебил член Военного совета:

– Послушайте, Лебедев, у меня для вас задание самого деликатного свойства.

– Слушаю, товарищ генерал!

– Вам следует немедленно, подчеркиваю, немедленно поехать на обменный пункт, поставить свою машину там, где вы ее обычно ставили, сбегать так, как вы обычно бегали, к своим радистам, потом вернуться и по возможности нежно объясниться ну если не в любви, то во всяком случае в определенной приязни телефонистке Дусе. Она будет дежурить. Сделайте так, чтобы она поверила. Сказать нужно что-либо такое: давно собирался с вами поговорить, но все недосуг. Теперь пришло время. Сейчас лично – понимаете, лично?! – уйду на задание

и, если вернусь, надеюсь... А если не вернусь, не поминайте лихом! Вот в таком плане... Подчеркиваю, все на полном серьезе...

– Иван Харитонович, – побагровел командующий, – ты что это расшутился не вовремя?

– Вовремя, Николай Петрович, вовремя. Так вот, майор Лебедев, это – приказ. Понятно?

– Так точно!

– Действуйте, и – немедленно! Помните, это очень важно. Вам, Каширин, организовать подслушивание.

Майор Лебедев и подполковник Каширин ушли, а член Военного совета сказал командующему:

– Противник тоже думает, Николай Петрович. Поеду-ка я проверю, как будут выдвигаться танкисты, а вы тут пораскиньте. Наклеывается вариант.

Несколько секунд командующий смотрел вслед члену Военного совета, потом улыбнулся и спросил у начальника «Смерша»:

– Договорились насчет этой самой Дуси?

– В принципе.

Командующий походил по горнице, остановился возле начштаба, долго смотрел на карту, что-то прикидывал и наконец сказал:

– А что? Вариант и в самом деле наклеывается. Нужно подумать, только быстро.

Начальник штаба, моложавый сдержанный полковник, поднялся и, переглянувшись с начальником разведотдела полковником Петровым, осторожно сообщил:

– Такой вариант мы подготовили. Однако все зависит от резервов. Сами не справимся.

Командующий помрачнел, вопросительно посмотрел на авиационного генерала. Тот улыбнулся – легко и весело.

– Сейчас наши разведчики проутюжат нужные квадраты, проявим пленку и... И если необходимо, подниму всю наличность. Хорошо бы скоординировать действия с артиллерией.

– Особенно с РГК. Он безмолвствует, а при маневре траекториями мог бы перекрыть большие площади...

Когда вот так, не называя варианта, не уточняя его деталей, о нем думают несколько старших офицеров и генералов, когда сама идея варианта, как говорится, витает в воздухе, не задуматься нельзя. И командующий задумался.

Конечно, окончательное решение, как всегда, останется за ним. Только он отдаст последний приказ, правда, если его одобрит член Военного совета. И все-таки главный – командующий. Он знал об этом и думал. Думал мучительно и стремительно, взвешивая и прикидывая все, что знал только он и чего не знали и не могли знать, не могли угадывать все, кто собрался в этот час в его горнице.

Все ждали решения, уже понимая, что член Военного совета не случайно уехал в войска – не хотел сковывать инициативы офицеров, своим присутствием влиять на ход мыслей и решение командарма.

Все это, не писанное, не закрепленное в уставах и директивах, все-таки было той частью сути армейской жизни, не считаться с которой не мог даже командарм. И он ходил по горнице и думал о том, что скажет ему командующий фронтом, как подготовлены к выполнению этого, еще не высказанного варианта боевых действий вверенные ему дивизии, приданные и поддерживающие части, как обеспечены они боеприпасами и горючим; что предпримет противник, если он примет этот внезапно и дерзко вырисовывающийся вариант.

– Хорошо... – наконец произнес он. – Хорошо! Все намеченные мероприятия проводить неукоснительно. И в то же время давайте этот самый вариант. Срочно! Два часа хватит?

– В основном... – уклончиво ответил начальник штаба.

– Разведчики, выкладываетесь. Еще раз проанализируйте положение на нашем участке, свяжитесь с фронтом и с Москвой. Не исключено, мы рискуем.

Никто так и не сказал, в чем заключается возможный вариант, никто не проронил ни одного лишнего слова, но все – многоопытные кадровые военные – в той или иной степени представили его и почти автоматически, молча подсчитывали свои возможности, прикидывали заявки и даже неизбежные потери.

Незримая, трудная, творческая штабная работа продолжалась...

10

Парило. Лес стоял разомлевший и пахучий. Надсадно звенели комары, с тяжелым рабочим гулом проносились шмели. Птицы притихли – время шло к полудню.

Разведчики выбрали островок густого ельника, забрались под опущенные до земли ветви и там, на мягкой и нежно-колкой подстилке из опавших хвоинок, прилегли и закурились.

– Хоть бы карта была! – сетовал Матюхин. – Как тут сориентируешься?

Сутоцкий постепенно освобождался от психологического шока первой неудачи, от неприязни к Матюхину, который так смело взял инициативу в свои руки, и становился самим собой – ловким, быстро и точно соображающим спортсменом. Именно за эти качества Зюзин в свое время взял его в разведзвод.

– Майор тренировал нас и по карте и на местности. Придется вспоминать и хотя бы вчера нарисовать карту.

– Надо... – кивнул Матюхин, отмахиваясь от неподвижно висящего, как в непроветриваемой комнате, дыма. – У меня, как только понял, откуда немцы узнавали о нас, прямо-таки оборвалось что-то.

– Прошедшего теперь не вернешь. Давай займемся делом.

Похоже, Сутоцкий пытается перехватить инициативу, но это не волновало Матюхина.

Сутоцкий расчистил от хвоинок землю и концом ножа стал рисовать карту-схему местности.

– Значит, примем за основу Радово. Оно вот тут. Теперь пойма, передний край, просека, дорога... А дальше давай вспоминать вместе...

Матюхин молчал. Он смотрел на клубы табачного дыма и о чем-то сосредоточенно думал. Потом вдруг встал, пролез под ветвями, прошел до полянки. Ветер стих – послунявленный палец почти не улавливал движения воздуха. Когда он вернулся, вид у него был довольный, словно он нашел что-то очень важное и нужное.

– Я так рассуждаю, – сказал он, – резервы наверняка станут возле воды. Такую махину напоить, обед сварить, баню организовать, постирушки, то да се – воды очень много нужно. Конечно, можно возить, так это значит дорогу накатать и показать лишние машины. Да горючего сколько потребуется. А его у швабов и так не густо. Значит, новеньких нужно искать возле речек или ручейков... Так что там было на майорской и лейтенантской картах?..

Они добросовестно вспоминали, прочерчивая линии просек, речушек и дорог, прикидывая, где немцам лучше всего расположить резервы. И когда карта-схема, пусть грубая, пусть неточная, все-таки была воссоздана, Матюхин вздохнул:

– Теперь предстоит проверить то, что мы надумали.

– Факт. Перекурим и полезем дальше.

Матюхин не ответил. Внезапно, кажется, почти над самыми их головами народился раскатыстый гул самолетного мотора. Машина промчалась и скрылась, на мгновение блеснув в просветах между еловыми ветвями сине-голубым брюхом.

– Донесение получено, – улыбнулся Матюхин. – Пошли разведчики.

– Почему думаешь, разведчики?

– Штурмовик. Один мотор, а мощный. И без свиста, как у истребителей. А штурмовики в бой в одиночку не ходят. Значит, разведчик.

Они прислушались. Далеко вправо прогудел еще один самолет, и гул его мотора смолк как раз в той стороне, где, как предполагали разведчики, расположились эсэсовцы.

– Пожалуй, да, – согласился Сутоцкий, – разведчики.

– Сейчас уютить начнут. – Матюхин приумолк, словно прислушиваясь к самому себе, и спросил: – У тебя в висках стучит?

– Стучит... вроде, – ответил Сутоцкий. – И как-то тяжело дышится...

– Вот-вот точно. И еще заметь: дым вверх не тянет. Он висит, даже чуть прижимается к земле, спускается.

– Ну и что?

– Во-первых, это к дождю, а может, к грозе. А во-вторых, немцы должны своих кормить? Должны. Значит, обязаны кухни растапливать. А куда дым от кухонь уйдет?

– Как это... куда? Рассеется!

– Вообще-то да. А сегодня?

– А что сегодня?

– Давление... Понимаешь, изменилось давление. Значит, дым от кухонь будет не рассеиваться, а висеть над самым лесом. Надо немедленно взобраться на деревья и понаблюдать за дымом. Там, где увидим сизые пятна дыма, там наверняка есть воинские части.

И сразу обоими овладело деятельное нетерпение. Они углубились в лес, разыскивая высокие деревья.

Через несколько километров разведчики наткнулись на старую вырубку, и Сутоцкий сказал:

– Теперь надо искать деревья-семенники.

– Не доходит...

– Ты ж человек южный, степной... Так вот, когда вырубает делянку, то оставляют несколько самых высоких и здоровых деревьев – семенников. Они растут, приносят плоды, и семена рассыпаются по вырубке, прорастают, и опять вырастает лес. И здесь должны быть такие семенники.

И они нашли две огромные, заматерелые бронзовобокие сосны. Сучья у них начинались высоко вверху. Пришлось снять сапоги, из телефонного кабеля сделать пояса-перехватки, как у монтеров, и, царапая о кору отвыкшие в сапогах от живой земли ступни, карабкаться враскоряку, обхватывая толстые стволы и перебрасывая вверх пояса-перехватки.

Лес раскинулся широко и привольно. Он перемежался пологими взгорками-гривками, в нем угадывались дороги и просеки, врубившиеся в чащобу, поля. Слева маячила колокольня Радова, от нее легко было вести отсчеты.

Как и предполагал Матюхин, над верхушками разомлевших от жары деревьев сизобурыми пятнами висели призрачные островки дыма, почти сливавшиеся с сизо-зелеными вершинами, и, если бы разведчики не искали эти дымы, они бы не обратили на них внимания. Но они искали их. А когда нашли, то мысленно, по запечатленной в мозгу карте-схеме, привязали их к местности и постепенно разобрались в окружающем.

Дымы растекались вдоль речных долин, которые не так уж трудно было различить: зелень деревьев вдоль рек и речушек была темнее.

Вот так, обнаруживая во впадинках-долинах дымные пятна, разведчики еще примерно, еще весьма приблизительно, но определили, где располагаются резервы.

Они уже собрались слезать со своих наблюдательных пунктов на прогретую землю, пахнущую входящей в сок земляникой, когда над ними вновь промчался штурмовик, и Матюхин, не удержавшись, радостно помахал ему вслед.

На штурмовиках, как известно, в центре фюзеляжа сидел в блестящем колпаке воздушный стрелок. В его обязанности входила охрана самолета с тыла, с хвоста. И смотрел стрелок не вперед, как летчик, а назад. Этот стрелок, молодой и веселый младший сержант, увидел

приветственный жест Матюхина. Увидел и вначале не поверил, а потом все-таки поделился сомнениями с пилотом. Тот развернул машину и еще раз прошелся над соснами-семенниками. Теперь Матюхина разглядел и пилот, хотел было скомандовать «Огонь», чтобы срезать фашистского наблюдателя, но вовремя удержался: не будут же гитлеровцы приветствовать советский самолет-разведчик! И летчик, чуть качнув крыльями, ушел на свою сторону.

11

Майор Лебедев, покачиваясь в машине, тщательно продумывал свое поведение. Ему, прямому и мужественному армейскому офицеру, в общем-то претило выполнение такого приказа. И не потому, что он противоречил его отношению к жене, семье: они были далеко и повредить им ничто не могло. Как большинство сильных мужчин, он даже не задумывался, любит жену или нет. Просто она была его частью, и жизни без нее он не представлял. Его смущало другое: и до войны он никогда никому не говорил нежных слов, не умел ухаживать, «оказывать внимание». Учиться этому в войну ему, естественно, не приходилось. Теперь требовалось лгать, подыскивать чуждые ему слова. Майор понимал, что без особой нужды такие приказы не отдаются. Тем более в данном случае. Он знал, что обязан помочь найти истинных виновников гибели нескольких разведгрупп.

И он приехал в село, поставил машину на обычном месте; сходил к радистам, провел с ними почти ритуальный разговор и вернулся к нужному окну.

Оно было приоткрыто, и майор увидел чуть курносый девичий профиль и прядь светлых волос, выбившуюся из-под металлического держателя наушников. Вздохнув и мысленно выругавшись, он подошел к окну и, решительно отворив его настежь, навалился грудью на подоконник.

Телефонистка испуганно отодвинулась, но, узнав Лебедева, покраснела. Лебедев забыл о задании и с глуповатым, неизвестно откуда взявшимся чувством самодовольства – все-таки приятно, когда ты нравишься! – улыбнулся и вдруг понял, как все это пошло и нехорошо, и от этого тоже покраснел и смутился.

Именно эта мгновенная смена настроений на его красивом, но грубоватом лице заставила Дусю поверить в то, о чем потом говорил Лебедев. А говорил он плохо – сетовал на себя, на приказ, который он выполнил, конечно, в точности, сообщив, что уходит на задание и, если вернется, они должны будут поговорить «как следует».

Выговаривая эти чуждые ему, несправедные слова, он старался не смотреть на телефонистку и именно поэтому все время коротко взглядывал на нее, все чаще и чаще и все с большей остротой сознавая, что она – хорошенькая, даже не просто хорошенькая, а обаятельная. Вычитанное это слово все время вертелось у него где-то в подсознании, и он все яснее понимал то, что стояло за этим выходящим из употребления словом.

Уже не в силах лгать, почти со страхом ощущая, что эта не известная доселе телефонистка нравится ему не по приказу, а просто потому, что она такая, какая она есть, и еще потому, что он нравится ей, майор окончательно смутился и с новой, доброй и растерянной полуулыбкой мягко сказал на прощание:

– Вот так... Может, увидимся...

Она кивнула, и он, отходя от окна, понимал, что уходит ему не хочется. И пока ехал в штаб, думал о ней, о войне, и все то страшное и, как ему казалось, неизбежное, которое он почувствовал, когда увидел отсветы гибели группы Зюзина, стало казаться совсем не неизбежным. Он уже поверил, что все обойдется и даже, пожалуй, уже обошлось и что нужно все начинать сначала, потому что война идет, а на войне никогда не бывает без того, чтобы не побили и тебя. И то внутреннее жуткое напряжение, которым он жил эти несколько часов, стало спадать и рассасываться. Оно уступило место подспудной мягкой грусти, тоске о невозможном тихом

счастье – пусть недолгом и неверном, но все-таки счастье – и в то же время какой-то новой, просветленной и все укрепляющейся уверенности в себе, рождающей жажду деятельности.

Таким он вернулся в отдел и сразу втянулся в бумажную и телефонную суету – поступали новые данные и донесения. Они требовали анализа, работы с картами, уточнений на местах. И он связывался со штабами дивизий и полков, приданных и поддерживающих сил и средств, которые имели свои наблюдательные пункты на переднем крае или вблизи него.

Постепенно, как-то даже незаметно проникая в замыслы противника, он так же незаметно и постепенно проникал и в замысел своего командования. Похоже, началась борьба за плацдарм. Тот, кто успеет захватить этот плацдарм, форсировать пойму, тот получит возможность если не развить оперативный успех в глубину, то хотя бы расечь утончившуюся за зиму оборону противника, а потом и нависнуть над ее флангами. Все это потребует дополнительных усилий от прозевавшего, его резервов и, значит, повлияет на основные, стратегические замыслы.

Во второй половине дня он прилег на застеленную плащ-палаткой деревянную скрипучую кровать. И хотя очень устал, он был уверен, что, полежав, обдумает как следует все, что стало ему известно за последние часы, и выстроит стройную схему... Но он сразу же уснул спокойным, глубоким сном сильного, здорового человека.

Несколько раз его вызывал начальник отдела, но писарь докладывал, что майор отдыхает, и полковник, вздыхая, решал не тревожить.

Проснулся майор только перед вечером, почувствовал себя крепким, собранным и в то же время каким-то новым – умиротворенным и даже ласковым. Это непривычное на войне состояние удивило его, и он весело подумал: с чего бы? Но тотчас же вспомнил курносенький профиль телефонистки, ее большие, почему-то умоляющие глаза, смущенно улыбнулся, потом нахмурился: недоставало еще влюбиться.

Он вскочил, усилием воли заставил себя задуматься о событиях последних часов, насильно втягивая себя в ритм армейской жизни. Это ему почти удалось. И тут зазуммерил телефон. Его вызывали к начальнику отдела.

У полковника Петрова сидел начальник «Смерша». Он молча протянул Лебедеву лист бумаги с записью беседы все тех же Маши и Дуси.

Лебедев сразу понял это. Он вспомнил милое девичье лицо, и ему стало нестерпимо стыдно и грустно, как человеку, который заглянул в чужие тайны. Он покраснел, но, сдерживая дыхание, прочитал запись до конца.

«Машенька, спасибо за огурцы и капусту. Старшина обещал дать пару полотенец. Я перешлю их твоей бабке». – «А ты что такая грустная? Опять беда?» – «Ой, Машка, не знаю, что и говорить. Я так и не набралась смелости. Он сам подошел и сказал, что, если вернется с задания, нужно поговорить серьезно». – «Ну так чего же ты реवेशь?! Видишь, как все хорошо складывается». – «А если не вернется? Сколько их не вернулось?» – «А что? Опять в тыл?» – «А куда же еще? У них судьба такая...» – «Ну что ж... Желаю удачи и тебе и ему».

– Вы понимаете, зачем мы проделали эту... не слишком ладную мистификацию? – спросил полковник.

– Догадываюсь.

– Попробуем извлечь выгоду из недосмотра связистов: линию на Радово, как они говорят – кроссировку, они отключили, но на защитной полосе – есть у них, оказывается, такая – изнасилась изоляция (линия-то старая) и по чистой случайности провод соприкасался с другим. Так сказать, перекидка. Рассуждали наши специалисты еще и насчет индукции... но так или иначе, а в тот час, когда телефонистки говорят между собой напрямую, их слышат и немцы. Разумеется, противник воспользовался этим и, ничего толком не зная, но сопоставляя пустячные разговоры с другими данными – например, маршрут вашей машины, действия

наблюдателей и саперов и так далее, – довольно точно разгадывал наши замыслы. А теперь мы продолжим эту игру...

– Скажите... эта... Дуся ничего не знала?

– Нет, конечно! Я понимаю, что вас волнует... Отвечаю: и ничего не узнает. У вас нет вопросов ко мне?

– Нет. Меня волнует... Матюхин. Если он вернется...

– Он должен вернуться! Мы его проверили. Вот данные. Курсант артиллерийского училища, помощник командира взвода, в котором учился и будущий лейтенант Зюзин. Этим и объясняется риск Зюзина: вера в старого товарища. Попал в плен в 1941 году под Красноградом, или, как его еще называли, Конградом. Был ранен во время корректировки огня и выпил, чтобы заглушить боль. Уснул. Сонным его и взяли. Искупил вину кровью в штрафной роте. Следовательно, в будущем по отношению к Матюхину исходите только из его конкретных деловых качеств.

Контрразведчик ушел, а начальник отдела походил по избе и усмехнулся:

– Как видите, гроза миновала и... гроза начинается. Командующий принял решение: внезапно атаковать противника в районе поймы и захватить плацдарм. Упредить противника. Вы спали, и я не хотел вас беспокоить. Поэтому всю подготовительную работу провели без вас. Группы, предназначенные для заброски в тыл, сосредоточены на переднем крае в районе всех трех маршрутов и соответственно проинструктированы. Уже поступило сообщение, что противник усилил наблюдение за этим районом – появление разведгрупп им, следовательно, засечено.

– Опять бросать на засады?

– Нет. Вернее, не совсем так. Им в помощь должны подойти еще несколько групп из дивизий. Кроме того, подойдет мотопехота из танковой бригады. На подходе еще одна бригада из резерва фронта. Связь наводится. Вам необходимо немедленно выехать на передовую и скоординировать действия всех этих групп.

– Каков общий замысел?

– Пока что следующий: противник, как и прежде, должен выдвинуть мотозасады. Поскольку разведгруппы высланы на исходные старых маршрутов, есть уверенность, что засады развернутся в прежних местах. Туда сейчас нацеливаются артполки – и наши и РК. Подготовка данных идет только по карте и визуально. Пристрелки не будет: нельзя вспугнуть противника. Одновременно вся авиация воздушной армии и часть фронтовой нанесут удар по районам немецких резервов – фронт и Москва, сопоставив данные, считают, что наши разведчики засекли противника правильно. Это – огромная удача. Но еще вот что важно: как только ваши разведчики выйдут на связь, поставьте им задачу: от линии не отключаться, вести корректировку артиллерийского огня и, если будет возможно, ударов авиации. Подождите, не удивляйтесь. Матюхин – почти готовый офицер. Мыслит он, вероятно, соответственно. Поэтому, я думаю, и корректировка ударов авиации ему будет по плечу. Я убежден, что он уже прикидывает и эту возможность, он поймет, почему летают наши штурмовики и почти не бомбят.

– Но это же поняли и немцы!

– Разумеется. А что они могут предпринять? Менять дислокацию резервов днем? Да еще в условиях, когда им ясно, что они разыскиваются и с воздуха и с земли?! Слишком большой риск. Наоборот. Они затихнут до вечера. А вот вечером, возможно, начнут выдвижение: наша разведка заставит их ускорить развитие операции. Вот почему, я подчеркиваю, все решают время, внезапность и точность. Я бы еще сказал – и дерзость. – Полковник усмехнулся. – Если бы наш командарм и член Военного совета не были бы в гражданскую кавалеристами, они бы, скорее всего, не приняли этого варианта. В данном случае, и правда, требуются казачья удаль и дерзость.

– А если противник окажется таким же дерзким, получится редкий в этой войне, по крайней мере до сих пор, встречный бой!

– Конечно! И этот бой навяжем мы! А за нами авиация почти всего фронта – немцы вряд ли успеют поднять свою. Они сделают это несколько позже. И артиллерия. Наконец ночью подойдут фронтовые резервы. Таким образом, даже если бой по форсированию поймы будет не слишком удачным для нас, для противника он будет неудачным наверняка: его-то замысел, его ставка на внезапность будут биты. Если бы не это, вряд ли командующий фронтом и Москва дали бы «добро» на столь стремительное проведение такой в общем-то рискованной, молниеносной операции. Сомнения еще остались?

– Пожалуй, нет... Просто... просто неожиданно.

– Для нас неожиданно. Но ведь, в сущности, это и есть современная война: резкое изменение обстановки, маневр и контрманевр наличными силами и средствами. Мы пообжились в обороне, а впереди – наступление. Значит, нужно привыкать к действиям вот в такой, быстро и кардинально меняющейся обстановке, где встречный бой, удары с ходу – явления обычные и даже, я бы сказал, основополагающие. Словом, действуйте, майор. И благодарите Зюзина. Он молодец! Видимо, что-то придумал, что обеспечило выполнение задачи.

Собственно, все, что услышал Лебедев, не было для него новым или необычным. Он чувствовал обстановку, как чувствуют ее настоящие военные люди. Мелкие и мельчайшие намеки, поведение вышестоящих командиров – все создает определенное ощущение, которое постепенно крепнет. Сейчас Лебедеву подтвердили то, что он ощутил и понял сам, набросали план будущего боя, который майор, работая над материалами, как бы продумал сам, и потому все его вопросы и внешне искренние колебания были лишь не вполне осознанным стремлением выведать от начальника как можно больше подробностей, подтверждений собственной правоты, чтобы через них окончательно укрепиться в сознании правильно выполняемого долга, в том, что миновали все беды, которые в минуту отчаяния реально и выдуманно нависали над ним в страшную, теперь уже прошедшую ночь.

Лебедев поехал в район поймы, уже не думая о маскировке, хотя многолетняя привычка к этой самой маскировке все-таки заставила его выбрать такой маршрут, на котором противник нечасто видел его машину, и проехать по возможности в таком месте, где ее не сразу накрыло бы артиллерийским налетом. Наблюдатели противника, конечно, засекли уже знакомую им машину, но особых изменений в ее поведении – как и всякие наблюдатели, они одушевляли машину – не заметили. Однако запомнили ее маршрут.

Когда этот маршрут лег на карты соответствующего штаба и работники разведки и контрразведки противника сопоставили его с сотней подобных или противоречивых данных, они не без некоторого колебания – всегда ведь есть вероятность обмана – решили: русские нервничают, стараются любой ценой разведать противолежащую оборону на всю ее глубину.

Вопрос о механизированных засадах был решен, но решен уже не так стандартно, как бывало раньше. Дело в том, что соседи слева сообщили, что на их участках русские тоже усилили воздушную разведку и, по-видимому, готовят разведку боем. Вот почему было решено ускорить события, о чем и сообщили вверх, по инстанции. В ожидании утверждения этого решения приняли кое-какие предварительные меры.

Естественно, на противоположной стороне поймы, в советских штабах, об этом ничего не знали, хотя, может быть, и догадывались: действия войск, особенно крупных группировок, подчинены определенным, родственным всем армиям мира законам.

Неожиданно очень захотелось есть, и разведчики, немного стыдясь этого и потому посмеиваясь, доели сухой паек. Несколько ословев от еды, стали клевать носом.

Вероятно, они бы уснули, если бы не странный, слитный шум, похожий на гул отдаленного штормующего моря. Гул шел со стороны Радова и вначале не показался опасным, но его настойчивость и переливчатость заставили прислушаться: похоже, где-то в стороне проходили моторизованные войска.

– Что-то они замышляют, – покачал головой Сутоцкий, – как бы не прозевать.

– Видишь ли, если наши... Впрочем, без «если». Наши, конечно, получили донесение и выслали воздушную разведку. Теперь всполошились фрицы. Так что... Так что нужно еще подумать, что они могут предпринять.

– Я бы на их месте прежде всего дал драпака: авиационная разведка есть авиационная разведка. Хоть в лесу, а что-нибудь да засечет. И если потом наведет бомбардировщиков – будет скучно.

– Значит, считаешь, что они меняют стоянку?

– Как пить дать.

– А если хуже? Если выходят на исходные?

– Рано. Светло.

– Лесом можно пройти незаметно.

– Ладно, допустим, прошли. А как на передок выйдешь незамеченным? Наши наблюдатели тоже ведь сидят не в тенечке.

Прислушиваясь к гулу моторов, почему-то не приближающемуся и не удаляющемуся, они прикинули с десятков вариантов поведения противника и углубились в лес, чтобы выйти к дороге и к линиям связи.

Дорога оказалась пустынной. Когда подключились к шестовой линии связи, то поначалу тоже ничего подозрительного не услышали: кто-то беспокоился о продуктах и бане, возмущался задержкой почты, передавал зашифрованное донесение. Потом наступила пауза, и телефонисты перебросились ничего не значащими фразами о погоде и полковых новостях. Впору было отключать аппарат и попытаться захватить еще одного «языка». Но как раз в это время по дороге промчалась длинная, приземистая, словно выгнутая в середине, легковая машина, а за ней, скрипя гравием, – две другие, открытые, с автоматчиками. Машины скрылись за поворотом и, судя по тому, как шоферы поочередно давали «перегазовки», чтобы перейти на низшие передачи, свернули с главной дороги на лесную.

Почти сейчас же чей-то властный, хорошо поставленный начальственный басок вызвал Седьмого и приказал:

– Через два часа закончить все! Понятно?

Ему ответили быстро и несколько подобострастно:

– Будет сделано...

После этого переговоры уплотнились: вызывались машины, уточнялись ориентиры, кто-то что-то требовал немедленно выслать и, если не найдется на месте, выписать со склада. Что именно потребовалось, Матюхин не понял. Но уяснил главное: противник ускоряет события. Это его взволновало.

Он, конечно, не знал, что гул моторов всего лишь одна из предварительных мер, которые предприняло командование, пока ожидало утверждения своих действий высшим штабом, – приказало проверить моторы и материальную часть. А поскольку мотострелки стояли в тылу достаточно долго, то к исполнению приказа шоферы отнеслись с присущей немцам точностью, и главное – все вместе.

Не знал Матюхин, что подслушанный им приказ, произнесенный начальственным баском, ускорял свертывание левофланговых, охранявших пойму подразделений и вывод их в резерв. Противник был уверен, что русские не начнут наступление днем или вечером: у войны выработались свои штампы. Наступают или утром, или в крайнем случае в первой половине дня. Бывает ночное наступление, но не вечернее. Поэтому, рассчитывал противник, готовые к

выходу части в сумерках успеют занять предназначенные им позиции. Но если решение командования не будет одобрено – все равно вперед выдвинутся засады, которые потом, уничтожив неумных русских, частью сил останутся для охраны поймы.

Матюхин не знал многого, но он воевал, видел противника изнутри, знал его характер, его размеренность, четкость и понимал, что все эти мелкие, сами по себе ничего не значащие распоряжения и факты в совокупности говорят о главном: противник спешит и, если он успеет, нашим войскам придется туго...

Матюхин жестом подозвал лежавшего поодаль Сутоцкого и сказал:

– Понимаешь, похоже, начинается... Скорее всего, к вечеру.

– Точно или предположение? – как-то слишком строго, почти по-командирски спросил Сутоцкий, и Матюхин усмехнулся:

– Мне генерал не докладывал. Приблизительно кое-что сообщил.

– Ладно. Не до шуток.

– Вот именно. Нужно выходить на линию и попробовать донести о нашей с тобой схеме и о том, что противник готовится.

– К чему? – вдруг рассердился Сутоцкий. – Ты знаешь, к чему он готовится? Вот «языка» бы взять...

– Нет. «Язык» сейчас не нужен.

– А кто же тебе скажет, что делает противник?

– Пойми, то, что будет происходить через час, два или три, может знать только генерал. А взять его в плен нам не удастся: охрана большая. Сам видел, какие проследовали. Солдаты и даже офицеры ничего не знают...

– Откуда же ты знаешь? – злился Сутоцкий.

После первых удач ему поверилось, что все обойдется, и, как истый разведчик, он был убежден, что настоящие сведения может дать только пленный, «язык».

– Понимаешь, учился. Так вот о замыслах командования информируется как можно меньше людей. Больше того. Даже те, кто сейчас поехал к пойме, может быть, не ведают, какая роль отводится им в дальнейшем. И правильно, что не знают.

– Что ж они, по-твоему, тупаки?

– Еще, кажется, Суворов говорил, что, если бы он узнал, что его шляпа знает о его планах, он бы ее немедленно сжег.

– Шляпа, шляпа... У Суворова и... шляпа. Ты хоть думай, о чем говоришь?

– Знаешь, Сутоцкий, демократия – вещь хорошая. Но, видно, не в армии. Давай решим сразу, кто из нас командир. Иначе из-за пустяков можем погубить дело. – Сутоцкий передохнул и обмяк. Командовать он не решался. – Ты пойми главное: сейчас нашим важно знать малейшие детали поведения противника. Может быть, мы ошибемся. Может быть. Но зато не допустим лишних жертв. И потом, если они знают, что мы здесь, может быть, после полетов авиации у майора Лебедева есть нам особое задание. Мы же с тобой не просто так... не на свободной охоте. Мы в строю, хотя и тут.

– Тебя не переспоришь, – махнул рукой Сутоцкий. – Пошли к линии.

Они молча вышли к линии. Как и прежде, Сутоцкий влез на столб, подсоединил провода.

Выхода телефонисток на прямую линию пришлось ждать долго. Торчащий на столбе Сутоцкий изошел потом. Отсюда, сверху, он видел, как вдалеке показались и скрылись в кустарнике немецкие связисты – они явно наводнили новую линию связи. Вот куда следовало двинуться! Вот где могут быть настоящие разведывательные сведения! А Матюхин, как сурок, притулился за пнем и сидит не шелохнувшись.

Когда на линии раздался уже знакомый голосок, Матюхин махнул рукой, и Сутоцкий разъединил линию.

– Девочки! Девочки! – почти закричал Матюхин. Нетерпение, опасность, постоянные раздумья, правильно он поступил или нет, накалили его до предела. – Немедленно принимайте телефонограмму.

Ответили ему не девочки. На линии что-то слабо шелкнуло, радио пропало и густой мужской баритон пропел:

– Рядовой Матюхин, слушаю вас по поручению майора Лебедева.

Матюхин осекся. Он с мгновенной надеждой посмотрел на Сутоцкого: отсоединил ли тот идущий на противника провод? Но Сутоцкий свое дело знал: провод он держал в руках разъединенным.

Мысли текли стремительно. Неужели кто-то из ребят попал в плен и, не выдержав пыток, выдал? Если так, то неизвестный голос мог принадлежать немцам, и они теперь знают о Матюхине и Сутоцком все или почти все – ведь их не нашли среди убитых и пленных, – и о Лебедеве. А провокаторы фашисты первостатейные. Матюхину это отлично известно. Значит, нужно немедленно отключаться, уходить от ставшей опасной линии и пробовать найти другие каналы связи.

И все-таки что-то держало Матюхина. Он молчал и, разом вспотев, думал. Ни одной ценной мысли в голову не приходило. Тогда на линии вновь раздался уверенный баритон:

– Помкомвзвода артиллерийского училища Матюхин, напоминаю, что ваш бывший подчиненный, курсант Зюзин, любил умыться снегом... Докладывайте.

Да, этого не выдумаешь. И Матюхин заговорил:

– Точка отсчета Радово. Северо-западнее, вдоль безымянного ручья...

Он докладывал точно, ясно, как бы читая стоявшую перед глазами составленную ими карту-схему, а кто-то неведомый, не перебивая, видимо, записывал его слова, потому что сквозь потрескивание иногда пробивалось старательное сопение, а иногда раздавалось короткое «Так». Потом Матюхин сообщил обо всем замеченном и свои соображения.

– Очень хорошо, – ответили с линии. – Теперь слушайте приказ...

Человек на той стороне, как всякий истый военный, прежде чем передать приказ, набрал воздуха, и эта его привычка спасла разведчиков и многое другое.

Линия вдруг ответила треском, сбивчивой речью, опять треском и, наконец, явственным:

– Генрих, как связь?

Матюхин махнул рукой, и Сутоцкий дисциплинированно и потому мгновенно соединил провода.

– Пятый! Пятый! – заговорила линия на немецком языке. – Как слышите?

В ответ раздался набор ругательств. Тот, кого назвали Пятым, ругал привязавшегося к линии абонента, напоминал ему приказ ни в коем случае не подавать голоса.

Потом линия стихла, и сквозь эту тишину пробилось далекое радио. Тонко пела скрипка, и серебряно перезванивало фортепиано. Матюхин послушал музыку, вздохнул, стер пот со лба. Он очень устал. Сутоцкий снял провода и спустился вниз.

– Ну что?

Матюхин рассказал ему, в чем дело.

– Очевидно, к линии подсоединились те, кто проехал в машинах.

– Не иначе... А приказ?

– Приказа я не получил... Выдал бы себя...

– А нам что делать?

– Не знаю, Коля, не знаю... Думается, нужно крутиться поблизости от линии и от... поймы.

– Почему? Я, когда сидел на столбе, видел, как связисты тянули новую линию. Может, прослушаем?

– Можно... Только позже... Когда они подсоединят ее и освоятся. Отрываться нельзя, потому что вечер... Видишь, солнце садится.

– Ну и что?

– А то, что, если они начнут выдвигаться в район поймы, нам в самый раз посмотреть, сколько их. И тогда... тогда можно будет рискнуть взять «языка». В суматохе, глядишь, и выберемся.

Они посидели в кустарнике, покурили и уже собрались было уходить к новой линии, когда услышали нарастающий шум автомобильного мотора. Далекая машина пересекла просеку, по которой шла линия, и скрылась, видимо в дубраве. Матюхин задумался, потом приказал:

– Прикрой! Я слажу посмотрю, что к чему.

В лесу сгущались сумерки – прозрачные, зеленовато-розовые. В ближних кустах, словно примериваясь, пощелкал соловей. Ему издали ответил другой. Сутоцкий удивился: оказывается, в лесу поют птицы, а они и не слышали их. Птицы пели весело, разноголосо и самозабвенно. Сутоцкому вдруг стало жалко себя, погибших солдат и саму дубраву – ему отчетливо представилось, что скоро в ней опять будут рваться снаряды и мины, кромсать кору, ветви и листву. Он вздохнул, прогоняя несвойственную ему жалость, и пробурчал:

– Никому покоя нет. Ни людям, ни лесу.

И потому что он знал, от кого никому нет покоя, то почти сразу успокоился и невольно прислушался. Далекий автомобильный мотор фыркнул и смолк.

Высоко в небе, серебрясь в закатных лучах уже невидимого солнца, медленно плыл самолет – одинокий и неторопливый, уже привычный немецкий разведчик.

Матюхин спрыгнул с сосны. Он был озабочен.

– Понимаешь, что-то начинается. Над лесом, где стоят мотострелки, кружатся птицы.

– Вспугнули.

– Вот-вот... Давай-ка опять восстановим карту-схему. Нужно сориентироваться.

Разметав хвою и веточки, они опять начертили по памяти карту местности, и Матюхин с удовлетворением отметил:

– Все правильно! Одиночная машина прошла просекой к дубраве.

Охваченный тревогой, Сутоцкий спросил:

– Ты думаешь, наши опять пойдут в разведку?

– Боюсь, что пойдут...

– Неужели наших сведений им мало?

– На первый случай, может, и хватит. Но ведь нашим нужно поподробней знать... о замыслах противника.

– Так неужели опять в том же месте?

– Ну а где? Сам подумай, Коля, где еще? В пойме и войск мало, и хорошая маскировка. Что же им, на траншеи лезть? А их, сам знаешь, не одна и не две. Три! Пройди все... Тоже задумаешься... И еще, наши могли бы так решить: неужели немцы могут себе представить, что русские разведчики такие дураки, что снова полезут там, где их уничтожали? Этот расчет тоже не сбросишь.

– Но, выходит, что девчонки ни в чем не виноваты...

– В каком смысле?

– Ведь наши уже знают, что линия уходит к немцам. Они теперь не допустят... девичьей болтовни. А немцы все равно ставят засаду!

– Верно... Выходит, либо у нас сидит шпион, сообщающий о действиях разведчиков, либо... либо противник выходит на позиции.

Они думали-гадали, что делать, и ничего толком не придумали. Совсем неподалеку пролетели две сороки, истошно и противно крича. На мгновение разноголосый птичий хор смолк,

потом опять стал налаживаться. Вдруг в хор как басовые подголоски, как звуковой фон вплелся ровный гул моторов. Он постепенно креп, и вскоре стало ясно, что к передовой движется моторизованная колонна.

Шум моторов удалялся в сторону дубравы, и оттуда вдоль просеки с телефонной линией вновь пронесли несколько отчаянно орущих сорок.

Разведчики переглянулись. Андрей поправил автомат.

– Ну вот, кажется, начинается еще один наш сеанс. Фрицы организовали засаду на старом месте.

– Похоже... Что будем делать?

– Знаешь первую заповедь разведчика? Идти туда, где враг. Пошли...

– А дальше? Что там будем делать?

– Еще не знаю. По дороге обдумаем.

13

Майор Лебедев быстро втянулся в деятельность новой, только что созданной группы. Он сам побывал на рубеже встречи танков с будущими десантами разведчиков, сам проинструктировал минеров, которые готовились проверять пойму, сам принимал доклады от наблюдателей.

Все шло так, как и должно было идти. Даже когда нарочный привез данные авиационной разведки, майор поначалу не увидел в них ничего нового или необычного: войска противника находились именно там, где предполагалось. И все-таки эти данные насторожили майора.

Что-то не совсем естественное усмотрел он в расположении обнаруженных танков. Они стояли группами невдалеке от дорог-просек, правда замаскированные, но он бы их так не расположил. Он бы упрятал их понадежнее.

Однако эти сомнения, не забываясь, отошли в сторону: слишком много появилось иных забот. И только к вечеру, когда к дзоту, который был выбран командным пунктом командарма и где пока разместился Лебедев, были подтянуты линии связи и подполковник Каширин передал ему донесение разведчиков, майор опять вспомнил о своих сомнениях.

Да, противник располагал войска именно так и именно там, где расположил бы их и сам Лебедев. И совсем не потому, что майор был таким уж проницательным. Просто он был военным, знал и чувствовал потребности войск, их возможности и, исходя из всего этого, решал за них задачи.

Конечно, они должны расположиться вдоль рек. Но не у самой реки или ручья – медсанслужба обязательно найдет какой-нибудь опасный для войск очаг инфекции или еще что-нибудь подобное, – а несколько поодаль, на сухом взгорке, только обязательно неподалеку от воды. Матюхин и Сутоцкий поняли это.

Значит, авиаразведка неточно указала месторасположение врага. Скорее всего, за действительные танки приняты макеты. Отлично замаскированные макеты! Отлично потому, что они были чуть-чуть размаскированы. Ровно настолько, чтобы авиация противника могла разыскать их с некоторым трудом. Лебедев даже усмехнулся: он представил себе, как эти макеты «облетывали» немецкие летчики и требовали то убавить, то прибавить маскировки.

Майор позвонил своему начальнику и сообщил о своих подозрениях.

– Согласен, – ответил полковник Петров. – Пожалуй, твой Матюхин прав, его целеуказание точнее. – Полковник помолчал и вдруг мягко добавил: – Хороший разведчик из него выйдет. Очень хороший.

В штабе воздушной армии заново расшифровывали снимки, и кто-то, получив нагоняй, с лупой в руках делал новые открытия. И эти открытия ложились на планшеты начальников штабов авиационных полков, и они ругались: «Опять новые целеуказания. А промахнемся, нас долбать будут».

Теперь они уже не очень верили и наземным, и своим, воздушным разведчикам, и сами корпели над аэрофотоснимками и картами, советовались со своими коллегами из соседних полков, почтительно поругивались с вышестоящим штабом. А пока шла эта работа, на аэродромы подвозились бомбы. Экипажи бомбардировщиков, понимая, что их ждет боевой вылет, еще шутили и смеялись, еще стучали костяшками домино и ухаживали за девчонками из батальона аэродромного обслуживания.

Только к ночи, к зеленым неверным сумеркам, встречные потоки информации, предположений и возражений наконец улеглись в строгие строки приказов. Тысячи людей посерьезнели, а многие и вздрогнули, потому что приближалась минута, после которой начинался новый отсчет их жизни.

Отсчет на минуты, на секунды. Выживешь, выполнишь приказ – будет новый день, новая жизнь. Нет? Пеняй на себя...

Тысячи были поставлены в одинаковые условия, и, если они выживали, выполняли свой долг, приказ, а ты – нет, значит, ты сделал что-то не так. Где-то ошибся, просчитался. Не проскочил простреливаемый участок, не повернул штурвал во время противозенитного маневра, не прибавил газа, ведя машину в атаку.

И всегда так. Мог бы проскочить, повернуть, атаковать первым... но не успел. Не сообразил.

А может быть... может быть, тебе просто не повезло... Бывает и так. Бывает, не везет – и все тут!

Но обо всем этом стараешься не думать: пока живой и крепкий, думаешь о жизни, а значит, о бое.

Думал о нем и Лебедев, все надежнее втягиваясь в сложную, напряженную предбоевую суетню и все чаще ощущая приливы тревоги, сомнений: как она обернется, эта непредвиденная операция?

По опыту зная, что в разгар боя часто гибнут нужные документы и карты противника, пропускаются великолепные возможности для взятия необходимых «языков», Лебедев все чаще и чаще, представляя свою роль в будущем бою, придумывал причины, по которым можно было бы достойно и незаметно для окружающих освободиться от пассивной роли наблюдателя и пойти с десантом, чтобы там, на поле боя, взять то, что могли просмотреть или не оценить другие.

Конечно, он понимал, что это – риск, что гораздо безопаснее сидеть здесь, на КП, на виду у командарма. Но Лебедев начинал службу красноармейцем, был сержантом и невольно впитал солдатскую привычку держаться подальше от начальства. Лучше уж рискнуть. В бою он будет отвечать прежде всего за себя и свое дело. А здесь, на КП, связанный по рукам и ногам, должен будет отвечать за то, на что в бою не сможет влиять.

Придумать веские причины, позволяющие ему улизнуть в бой, майор не успел. На КП неожиданно, раньше предусмотренного, прибыл командарм. Большой, грузный, он сразу заполнил тесный дзот, и из него бочком выбрались офицеры связи.

– Как дела? – спросил командарм у Лебедева.

– Все идет по плану, – вытянулся майор.

– Корректировщиков бы туда забросить... Твои молчат?

– Молчат.

– Правильно. В этом случае рисковать нет смысла. Надо думать, выберутся.

Командарм подошел к амбразуре дзота, взглянул в нее, потом в стереотрубу, повздыхал и опять уставился в амбразуру. Лебедев стоял сзади, все еще придумывая, теперь уже, кажется, запоздало, причину, которая позволила бы ему удрать с КП. И командующий словно понял его.

– С десантом наладился? – спросил он не оборачиваясь.

– Следовало бы... Возможны интересные варианты.

– Не отпущу. – Командарм вздохнул и оглянулся. В дзоте, кроме них, никого не было. Только в углу склонился связист. – Не отпущу! – повторил командарм. – Предчувствие у меня плохое. Потому и приехал раньше времени. – Он опять отвернулся к амбразуре. – И ты не порадовал: «Все по плану». Вот из-за этого и предчувствия. Уж больно правильно все выходит. Как по писаному. «Все по плану»! – снова передразнил он Лебедева. – А план-то недоношенный!

Лебедев смотрел на темный силуэт его большой головы, закрывшей пол-амбразуры. Следовало что-либо ответить, может, польстить, но Лебедев молчал, потому что в душе он тоже побаивался этого скоропалительного боя. Не к такому привык за годы войны с хитрым и сильным противником. Прежде к бою готовились долго, тщательно, сколько мук принимали, и то далеко не всегда получалось как нужно. А если и получалось, так с кровью, с потерями, с явными просчетами. И майор молчал.

– А впрочем... черт его знает... Может, мы просто... ожирели? А, Лебедев? Может, привыкли, что все дается с болью? Как при родах? Может, и нужно вот так – нахально, мгновенно, чтоб на раздумья не оставалось времени? А? Как думаешь?

– Не знаю... Не знаю, товарищ командующий, – выдохнул Лебедев. – Впервые вот так... сразу.

– То-то и оно... Словом, я тебя не отпущу. Вместе мы кашу заварили, вместе и расхлебывать будем. Теперь, правда, все на меня ляжет. Ты-то теперь в стороне.

– Разве в этом дело, товарищ командующий?

– И в этом, Лебедев, и в этом.

Он шумно и тяжело вздохнул. В узкую прорезь амбразуры виднелось зеленоватое небо и темный, почти черный, абрис лесных верхушек уже на той, немецкой стороне. И там, над верхушками, вдруг проплыла одинокая трасса. За ней – целый фейерверк трасс, явственно вспыхнули и погасли сильные, почти прожекторные, огни. И уже потом, приглушенная стенами дзота, донеслась нестрашная, далекая дробь выстрелов.

– Что это, Лебедев? – почти в ужасе отшатываясь от амбразуры, быстро спросил командарм. – Твои, что ли?

– Не знаю, товарищ командующий.

Майор выскочил из дзота на взгорок, стал всматриваться в даль. Там, за дубравой, в обычном и уже до проклятости знакомом месте немецкой засады сверкали огоньки выстрелов, слышалась отчаянная трескотня. Поднять такую трескотню мог только солидный отряд. А никого, кроме двух разведчиков, там не было. Никого!

Из дзота вышел командующий, спросил:

– Что это? Выходит, не по плану? Не по плану?

Там, за дубравой, бой все разгорался и, словно от искорок трассирующих пуль, стал занимать невидимый пожар. Через несколько секунд, а может, минут – время спрессовалось и шло как бы рывками – за аспидно-черной линией вершинок что-то багрово высветилось, вырисовывая могучие дубовые ветви. Потом пламя сразу, взрывом, метнулось вверх, дубраву просквозило ярким светом, и над лесом помчались веера искорок, чтобы далеко, почти у самого неба, стать темным столбом дыма.

Может быть, потому, что Лебедев последние часы все время думал о том, как бы ему уйти в бой вместе с разведчиками, и, значит, невольно готовил себя к бою, он первый догадался, что произошло там, за дубравой, но не успел высказать своей догадки, как связист из дзота крикнул:

– Товарищ майор! К телефону! Срочно, говорят!

Майор сбежал в дзот, на ощупь, по привычке, нашел протянутую трубку.

– Докладывает Тридцать третий. «Слухачи» доносят: слышны отдаленные звуки танковых моторов. – Докладывавший уловил что-то неверное, неграмотное в своих словах и добавил: – Вроде как заводят... Взрывами...

– Следите! – крикнул Лебедев и устало отпустил клапан трубки.

Командарм, кажется, прав. Операция может оказаться неудачной. Немцы, по-видимому, выходят на исходные. До начала нашего удара еще больше часа. Только после артналета на засады должна начаться бомбежка. Значит, бомбить будут по пустому месту.

На мгновение Лебедевым овладело тупое безразличие: да пропади оно все пропадом! Ничего не получается! Силен немец, его не перехитришь! Но затем пришла деятельная ненависть: черта с два сильней! Черта с два! Мы еще поглядим. Поглядим...

И в этой яростной, деятельной ненависти все как бы стало на свои места. Лебедев окончательно понял своих разводчиков и уловил общее положение дел. Выскочив в два прыжка из дзота, он обратился к командующему:

– Полагаю, необходимо немедленно передвинуть время «Ч».

Время «Ч» – условный час начала атаки... Начала артналета... Начала бомбежки. Для всех оно, это самое время «Ч», разное. Но оно увязано по времени в общем плане, и если его передвинуть сразу, то...

– Вы думаете, успеем?

– А что, собственно, изменилось? Только то, что кто-то, может быть, партизаны, а может, и Матюхин с Сутоцким, напоролся на засаду или, наоборот, решил вскрыть ее, предупредить нас об изменении обстановки? Вот и все. Остальное идет по плану.

– Ты думаешь, Лебедев, это твои разведчики подняли такое? – спросил командарм.

– Уверен. «Слухачи» только что передали: на немецкой стороне слышны танковые моторы. Взрывами. Значит, заводят машины. Мои люди могли услышать это раньше «слушачей». Услышать и предупредить, вызвав огонь на себя.

Командарм помолчал, потом тихо произнес:

– Если... если народ они толковый, то... все правильно.

– Они уже доказали, кто они. Надо переносить время «Ч».

– Такой вариант возможен... Тем более что он предусмотрен. Передайте: время «Ч» по третьему варианту. – Командующий не сказал, кому передать, и Лебедев переспросил его. Командующий мгновенно рассердился: – Передай начальнику штаба и офицерам связи. Что, забыл, как это делается?

Вот этого-то и боялся Лебедев, вот от этого и хотел сбежать! В самые глубины плана его не посвятили, а командарм, убежденный, что Лебедев все знает, обрушился на него. Признаваться в своем неведении боязно: либо сам попадешь под его гнев, либо других подведешь. А переспрашивать неудобно. Получился заколдованный круг. Еще не решив, как поступить в этой сложной ситуации, майор Лебедев, привычный к воинской дисциплине, крикнул:

– Третьего на провод! – и, когда связист подал ему трубку, передал приказ командарма.

Начальник штаба не удивился, поблагодарил – такой вежливости Лебедев за ним ранее не замечал – и отключился.

Майор выскочил из дзота, но офицеров связи уже как ветром сдуло. Далеко, в кустарнике, чей-то приглушенный голос передавал приказ командарма, а справа и слева уже слышалось тархтение мотоцикла и машины.

Майор подумал, что командующий, кажется, ошибается: операция, может, удастся. Уж больно все четко получается. Но именно эта четкость, продуманность вариантов опять остановили его и заставили вспомнить о главном: своим-то разведчикам он ничего не сообщил! Но он сейчас же остыл: они приданы танкистам и должны действовать согласно их планам.

И вдруг стало пусто. Он оказался не у дел. Все пошло по плану. Пусть новому, но плану. И в этом плане места для него не нашлось. Лебедев понял это и обиженно усмехнулся.

Командующий, сняв фуражку, расстегнув крючки и верхние пуговицы кителя, сидел возле дзота. Далеко вправо, за дубравой, полыхнул багровый ответ разрыва. Потом слева и справа загудела и заревела страшными орудийными голосами артиллерия. Небо высветлилось частыми всполохами выстрелов, но шелестящего, шелковистого полета снарядов так никто и не услышал: прошли стороной. За дубравой стали рваться тяжелые снаряды артиллерии резерва Главного Командования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.